

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 9-10 (437-438)

19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25 Chèques Postaux « Le Courrier Socialiste » — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по повел., средам и пятницам, от 11—1 ч.

27 Мая 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- Ф. Дан. Формулы и реальности.
И. Греков. «Тайная политика».
А. Югов. Бедняки и миллионеры.
С. Шварц. Восьмой пленум ВЦСПС.
В. Александрова. Литературно - революционные портреты:
5. Борис Пильняк.
Л. Агреев. Дар предвидения.
Р. Абрамович. Реформа Интернационала?

В Рабочем Социалистическом Интернационале: Сессия Исполкома РСИ.

Зарубежьем: Американский закон о нейтралитете. Съезд швейцарской социалдемократии — Съезд голландской социалдемократии. — Памятник Отто Бауэру. — Курт Левенштейн (некролог).

По России: Перед третьей сессией Верховного Совета СССР. Из партии: 75-летие Б. А. Членова. — Отчет о сборах. — Издания, поступившие в редакцию.

Фельетон. В Партиях РСИ: Аустриакус. Позиция австрийских социалистов.

Extrait du Sommaire: Articles de Th. Dan sur les événements internationaux et le pacte anglo-russe; de I. Grekov sur la convocation du Soviet Supérieur à l'U.R.S.S.; de A. Jugow sur l'économie kolhoziennne; de S. Schwarz sur la 8e séance plénière de la Fédération Centrale des Syndicats Soviétiques; de V. Alexandrova sur la littérature soviétique; de R. Abramovitch sur l'Exécutif de l'I.O.S. et le problème de partis illégaux; de Austriacus sur la politique des socialistes autrichiens. — *Articles et notices* sur l'Exécutif de l'I. O. S.; sur la loi de neutralité aux E.U.; sur les congrès des partis suisse et hollandais; sur l'inauguration du monument funéraire d'Otto Bauer; sur la mort du Kurt Loewenstein; sur le 75e anniversaire du camarade B. Tchénov. — Chronique de l'U.R.S.S.

Ф. ДАН.

Формулы и реальности

Статья о внешней политике Сталина в предыдущем номере, вышедшем в свет 28 апреля, начинается словами: «Когда эти строки появятся в печати, Советский Союз будет, вероятно, уже так или иначе формально включен в ту систему защиты востока и юго-востока Европы, которую, после разгрома Чехословакии, начало воздвигать английское правительство»... и т. д.

Предположение это оказалось ошибочным, и почти ровно через месяц приходится начинать статью теми же словами, но только — уже с несколько меньшего убежденностью. Правда, в те дни, когда пишутся эти строки, заседает вынужденная из нафталина Лига Наций, и нас уверяют, что там, в Женеве, все уладится; что, несмотря на отставку Литвинова, несмотря на отсутствие Потемкина, ради прибытия которого сессия была отложена на неделю, несмотря на то, что лорду Галифаксу придется беседовать в Женеве в тем-же Майским, с

которым он имел и до сих пор удовольствие беседовать в Лондоне, несмотря, наконец, на то, что советский ключ к решению проблемы находится не в Лондоне и не в Женеве, а единственно и исключительно в кремлевском кабинете Сталина, — будет незамедлительно найдена «формула», которая позволит Чемберлену уже в среду 24 мая возвестить в палате депутатов о благополучном завершении дела, начатого свыше двух месяцев тому назад.

Мы ничего так не хотели бы, как чтобы и на самом деле была найдена, наконец, пресловутая «формула», способная положить конец невыносимой канители, и в политическом, и в военном, и в морально-психологическом отношении идущей целиком на пользу фашистскому блоку. Но — подождем фактов и не будем предаваться чрезмерному оптимизму: ведь вот, даже орган французского крупного капитала («Тан» от 22 мая)

считает нужным предостерегающе подчеркнуть, что «поверх самых хитроумных формул имеются непосредственные реальности, не поддающиеся импровизациям». Но именно об этих непосредственных реальностях «категорически умалчивает» и Сталинская дипломатия, и ее английский партнер, предоставляя непосвященным блуждать в дебрях формул, реальное содержание которых им непонятно и непрерывная смена которых лишь укрепляет поэтому в широких народных массах в с е х странах без исключения пагубное для дела мира и свободы убеждение в неспособности анти-фашистского фронта противопоставить фронту фашистскому необходимую политическую последовательность и еще более необходимый «динамизм».

Вот почему, если, на берегах-ли Женевского озера или Темзы, и будет найдена наконец спасительная «формула», одного этого отрадного факта будет все же еще недостаточно для обоснования безмятежного оптимизма насчет хода и исхода той исторической трагедии, к которой толкает человечество фашизм. Ибо выше и сильнее всех формул «непосредственные реальности», а они, увы, и на советской, и на англо-французской стороне пока не таковы, чтобы служить прочным фундаментом для оптимизма...

**

Что внешняя политика Сталина ничего общего не имеет с социалистической политикой, как ее должно было бы практиковать правительство, претендующее на звание рабочего, — это мы показывали и доказывали неоднократно и не будем возвращаться к этому вопросу. Примем Сталинскую внешнюю политику такой, какова она есть, — т. е. политикой национально-государственной в том-же самом смысле, как политика любого другого правительства, ни на какой социализм не претендующего. В этих рамках внешне-политическая программа Сталина, как она формулирована в передовой статье «Известий» от 11 мая (единственной программной статье советской печати по внешней политике за многие месяцы!), не только не вызывает никаких возражений, но должна быть признана в данных условиях наиболее отвечающей требованиям момента. Оставляя в стороне дальне-восточный вопрос и ограничиваясь проблемами Европы, эта программа высказывается за «сотрудничество» с Англией и Францией, но на основах «взаимности», т. е. таких-же гарантий для СССР со стороны этих двух стран, какие сам Советский Союз дает им обем. Самое-же «сотрудничество» она понимает, как создание «единого фронта взаимопомощи прежде всего между четырьмя главными державами в Европе — Англией, Францией, СССР, Польшей, или, по крайней мере, между тремя державами — Англией, Францией, СССР с тем, чтобы эти три державы, связанные между собою на началах взаимности пактом взаимопомощи, гарантировали другие государства в Восточной и Центральной Европе, находящиеся под угрозой агрессии».

По существу эта программа, поскольку она дополняется обязательством советского правительства (о нем сообщала европейская печать) прийти на помощь Англии и Франции и в том случае, если они будут вовлечены в войну вследствие фашистской агрессии на страны Западной Европы (Голландия, Бельгия, Швейцария и т. д.), означает принятие на себя блоком трех или четырех держав тех функций по охране «коллективной безопасности», по крайней мере, в пределах Европы, которые не может уже выполнять впаившая в летаргию Лига Наций. И, повторяем, эту программу надо признать, в наличных условиях, «оптимальной».

И однако сейчас же — и не только у политиков и дипломатов, но и у широких слоев населения всех стран — возникает вопрос: не есть-ли в данном случае «лучшее враг хорошего»? Не имеет-ли Сталинский максимализм целью сорвать возможное и достижимое, помешать осуществлению тех первых шагов, за которыми в силу самого хода вещей должны последовать дальнейшие? Не ставит-ли себе этот максимализм задачей создать условия для политики изоляции, для политики отвода Гитлеровской агрессии на Запад, для политики «стояния в стороне» и подготовки себя к роли «третьего радующегося» к моменту истощения сил обоих, борющихся между собою европейских блоков, или, по крайней мере, для политики, сохраняющей за собою возможность до последней минуты ставить ставки на обе карты — фашистскую и анти-фашистскую — в зависимости от текущих «национально-государственных» интересов?

Что политика Сталина, речи Сталина вплоть до доклада его на последнем съезде ВКП, и, главное, вся история его политических и коммерческих сделок с германским национал-социализмом и итальянским фашизмом давала и дает достаточно оснований для таких вопросов и сомнений, — это вряд-ли нужно доказывать. Но взял-ли он сейчас, решительно и бесповоротно, курс на построение «коллективной» плотины, преграждающей путь германо-итальянской агрессии? Увы, этого и сейчас никто не знает и знать не может: величайшее преступление Сталинской дипломатии составляет ее «тайна»! Ряд важных актов, привлекавших всеобщее внимание, занесла эта дипломатия в свою летопись за истекший месяц, но ни один из них она не сочла нужным гласно и точно пояснить и осмыслить: она как будто намеренно лишь дразнила ими общественное мнение, намеренно давала пищу всевозможным предположениям и недоумениям, намеренно плодила двусмысленность.

4 мая тремя строками «указа» на первой странице и четырьмя петитивной хроникой на последней советская печать осведомила и советских граждан, и весь мир о назначении на пост Наркоминдела Молотова и об уходе с этого поста Литвинова, который с тех пор как в воду канул. Чем объясняется эта смена, столь сенсационная в переживаемой ныне острой международной ситуации? Молчание... Почему Потемкин не поехал в Женеву, когда само советское правительство просило об отсрочку сессии Л. Н. на неделю, чтобы сделать возможным его приезд? Молчание... Чего добился и что обещал Потемкин в своем, тоже сенсационном путешествии Анкара-София-Бухарест-Варшава? Тоже молчание, ибо нельзя-же считать за ответ те общие фразы, которыми исчерпываются официальные коммюнике!

Но вот, в парижской газете «Ордр» от 19 мая достаточно хорошо осведомленный Пертинакс категорически заявляет, что в проекте советско-румынского договора, составленном и даже уже подписанном Литвиновым и Титулеско в 1936 году, советское правительство заявляло, что «его войска никогда не перейдут Днестра без формальной просьбы о том румынского правительства». Верно это или нет? И, если верно, то что удерживает Сталинское правительство сейчас от однородных, но гласных и торжественных, заверений по адресу Польши и Румынии, — заверений, которые, оно не может не понимать этого, необычайно облегчили бы отыскание пресловутой «формулы»?

Но, говорят, Советский Союз не может ни в какой мере вести политики изоляции или нейтралитета, ибо такая политика была бы самоубийственна для него. Да, но разве самоубийственность военно-катастрофической политики для Германии и Италии мешает этой политике быть фактом? Разве самоубийственность политики

капитуляции и отречения для Англии и Франции сделала невозможным «Мюнхен»? Но дело в том, что Советский Союз — это «формула», непосредственная же «реальность» Сталинское единодержавие. Это оно ведет и внутреннюю, и внешнюю политику и накладывает на нее печать своих специфических интересов, своего авантюризма и своей исторической обреченности даже тогда, когда хочет искренне отстаивать «национально-государственные» интересы страны.

Вот почему не могут располагать к слепому доверию даже «оптимальные» формулы Сталинской внешней политики. И вот почему лишь в борьбе с той «реальностью» сегодняшнего дня, какой является Сталинское единодержавие, могут и во внешней политике Советского Союза пробивать себе дорогу совпадающие с интересами нации, понимаемой как совокупность подавляющего большинства трудящегося населения...

На другой стороне, на стороне Англии «непосредственную реальностью», т. е. реальностью сегодняшнего дня, является консервативное правительство Чэмберлена, т. е. правительство, более или менее точно отражающее политическую волю Сити, волю верхов английского капитализма. Насчет действительного направления этой воли, и особенно по отношению к фашизму, последние годы вряд ли оставляют хоть малейшее сомнение. Но, как говорит латинская поговорка, судьбы влекут того, кто не желает добровольно следовать велениям необходимости. Эти судьбы и правительство Чэмберлена увлекли далеко от тех путей, символом и завершением которых оказался «Мюнхен». Кто мог полгода тому назад поверить, что это правительство по-рвет с политикой «свободных рук» на европейском континенте, особенно на востоке его, и даст свою гарантию Польше и Румынии, заключит договор с Турцией, приступит к введению всеобщей воинской повинности и начнет переговоры о взаимопомощи и кооперации с Советским Союзом?

Да, когда Чэмберлен, вернувшись из Мюнхена, возвестил, что он обеспечил мир «целому поколению», ему и не снились, конечно, те внешне-политические пути, по которым он идет сейчас. Но — реальность остается реальностью, и из своей социальной природы Чэмберлен выскочить не может. Каждый шаг по новым путям он делает с оглядкой на пути старые, и потому, несмотря на демонстративную «твердость» его речей, все шаги его оказываются колеблющимися, все мероприятия половинчатыми и запаздывающими и именно поэтому все меньше способными обеспечить мир, а в лучшем случае лишь отсрочивающими и лучше подготовляющими войну, которая становится все более неизбежной. Во внешней политике Чэмберлена находит свое выражение политика класса, терзаемого противоречием между своим социальным тяготением к фашизму и необходимостью обороняться от его ненасытности; между боязнью потерять империю и боязнью потерять социально-экономическое господство; между ненавистью к социализму и ко всему, что так или иначе прикосновенно к революции, и вынужденною апелляцией к силам, слоям, идеям, лозунгам, воплощающим в себе революционно-социалистический «потенциал».

Это основное противоречие полностью сказывается и на той траги-комедии англо-советских переговоров, которые тянутся вот уже свыше двух месяцев. В этих переговорах — напоминаем: мы остаемся в рамках «непосредственных реальностей!» — все козыри, несомненно, в руках Сталина, а не Чэмберлена. Допустив разгром Чехословакии, обнажив западные границы Поль-

ши, убив Малую Антанту и ослабив сопротивляемость Югославии и Румынии, английский империализм собственными руками разрушил весь построенный в Версале защитный фронт свой на Востоке и Юго-востоке Европы и сделал решающим фактором вновь воздвигаемого фронта восточного соседа Польши — Советский Союз. Сталинское единодержавие может до поры до времени обойтись без Чэмберлена. Английская буржуазия, поскольку она вынуждена обороняться от наступления Гитлера и Муссолини, обойтись без Сталина уже не может: сама себя раба бьет... И если она все-же продолжает неделю за неделей тянуть поиски приемлемой для нее «формулы», то только потому, что и сейчас еще раздирающее ее внутреннее противоречие заставляет ее «нечисто жать»: и сейчас еще свое собственное отталкивание от соглашения с правительством страны, которую ход истории сделал для миллионов трудящихся всех стран символом их революции, правительство Чэмберлена пытается объяснить себе и другим опасением помешать этим соглашением отколу Японии от анти-коминтернского пакта, Муссолини от Гитлера, Франко от Муссолини, португальского диктатора от Франко и т. д., и т. д.; и сейчас еще оно не оставило своей надежды на компромисс, если не со всем фашистским многоугольником, то хоть с частью его; еще и сейчас оно и в Польше, и в Румынии, и во всех других странах упорно старается ставить свою ставку на самые реакционные элементы, наиболее склонные ко всяческим компромиссам с фашизмом и потому наименее пригодные для сопротивления ему.

Но — судьбы влекут... Рано или поздно правительству Чэмберлена придется проглотить горькую для него пилюлю соглашения с Советским Союзом. Надо пожелать, чтобы оно, не медля, проглотило ее в виде той «формулы», которую приготовило для него французское правительство и которая, судя по сообщениям газет, создает англо-франко-советский союз, не говоря о союзе, дает полную гарантию взаимопомощи всем этим трем странам, не подчеркивая этой гарантии, и вводит в орбиту активной защиты от фашистской агрессии и прибалтийские страны, не называя их. И больше всего надо пожелать, чтобы это необходимое и неизбежное соглашение не пришло опять слишком поздно.

Ибо время поистине не ждет. Можно и нужно, конечно, отмечать и подчеркивать, что даже те половинчатые шаги к организации самозащиты, которые сумел предпринять англо-французский блок, оказались уже достаточно значительными, чтобы задержать безмятежное триумфальное шествие фашизма и заставить его несколько тщательнее подготавливать свои новые агрессии, и чтобы, с другой стороны, и «нейтральным» странам, как, напр., скандинавским, дать возможность не подчиняться беспрекословно любому требованию фашистов. Но было бы величайшей иллюзией забыть о том, что агрессивность лежит в самой экономической, социальной и политической природе фашизма, составляет закон его существования, от которого он не властен освободиться. И было бы недопустимой слепотой не видеть, что и за последний месяц, пока анти-фашистский блок топтался на месте, блок фашистский продолжал лихорадочно готовиться к войне, не покладая рук, а общее международное положение продолжало обостряться и становиться все более грозным, и притом не только в Европе, но и на Дальнем Востоке, где, как показали эпизоды в Кулангсу, японский империализм все непримиримее и непосредственнее сталкивается с империализмом европейско-американским и где в японском правительстве тем решительнее берут верх «твердые» тенденции, чем

более героическое и успешное сопротивление китайского народа заставляет японскую армию напрягать все силы, чтобы довести до конца авантюру, грозящую закончиться для нее грандиозным крахом.

Ни в коем случае не следует толковать, как мелочь, не имеющую значения, оформление германо-итальянского военного союза: это оформление означает, несомненно, значительное усиление и рационализацию фашистского милитаризма и практическую подготовку к ведению им грядущей и им-же систематически подготовляемой войны под германской гегемонией. Высмеивая паясничество Муссолини, не следует все-же игнорировать вполне ясный смысл его заявления, что отныне он «умолкает», предоставляя говорить «народам». И не следует преуменьшать и значение таких пограничных эпизодов, как только что разыгравшийся эпизод данцигско-польский.

Все свидетельствует о том, что, несмотря на обманчивую видимость «затишья», военная опасность не только не уменьшается, но все более назревает. Но она и не может не назревать, ибо она возникает из социальной природы фашизма и в этой природе находит все новую и новую пищу. Теперь уже и Марсело Деа (см. «Эвр» от 21 мая) ясно, что фашизму может быть успешно противопоставлен лишь социализм, хотя констатацией этой «вождь нео-«социализма» пользуется, конечно, лишь для того, чтобы отождествить социализм с большевизмом и призраком большевистско-сталинской диктатуры допустить своих читателей до готовности еще и еще раз безоговорочно капитулировать перед «непосредственными реальностями» Гитлера и Муссолини. Но факт остается фактом, и именно этот факт парализует способность правительств буржуазии вести подлинную политику мира.

Для такой политики, конечно, необходимо создавать силовую барьер против фашистской агрессии. Но полную весную «миротворческую» силу такой барьер может приобрести лишь в сочетании с идеологической политикой, которая планомерно подготавливает наиболее благоприятные условия для народной революции и в фашистских странах — и тем, припирая фашистские режимы к стене, вынуждает их к откры-

той капитуляции и к самодискредитированию, и тем, что поддерживает революционно-народные силы в этих странах так-же систематически, как систематически поддерживают фашистские режимы силы контр-революции во всех других странах. Ибо только такая революция была бы способна низвергнуть национал-социализм и фашизм раньше, чем они низвергнутся сами, но и низвергнут вместе с собою все человечество в пропасть войны. Только она могла бы дать поэтому действительные шансы на предотвращение войны.

Такой политики революции, естественно, не хотят и не могут хотеть правительства капиталистической буржуазии. Но можно-ли ставить им это в вину, когда и «коммунистическое» правительство Сталина, столько говорящее о революции, ничего не сделало и не делает для того, чтобы на деле сплотить мировые силы, способные ее подготовить и осуществить, и, наоборот, делало и делает все, чтобы эти силы раздробить и парализовать? И можно-ли негодовать на то, что капиталистическая буржуазия не хочет в своей борьбе с фашистскими «реальностями» сегодняшнего дня опереться на революционно-социалистические «реальности» дня завтрашнего, когда и большинство Социалистического Интернационала оказывается политически настолько слепым, что как раз сейчас не находит ничего лучшего, как отгораживать свою «легальность» от «нелегальных» носителей этих завтрашних реальностей?

Пока это так, призраком войны не перестанет надвигаться на Европу и на весь мир, и самой борьбе против фашистской агрессии будет грозить опасность скатывания к «фаталистическому» приятию войны и к работе не столько уже над ее предотвращением, сколько над обеспечением максимальных шансов победы в ее ходе. Не порывая с неодолимыми реальностями сегодняшнего дня и не подменяя и со своей стороны политику дела политикой сектантских формул, пролетарский социализм не может отказаться от самого деятельного участия и в этой работе. Но, не порывая со своим будущим и с будущим своего класса, он не может и в этой «текущей» работе не ориентироваться на те реальности завтрашнего дня, которые одни только несут измученному и истерзанному человечеству и низверженные фашизма, и свободу, и мир.

И. ГРЕКОВ

„Тайная политика“

В советских газетах от 6 мая появился краткий «указ» Президиума Верховного Совета СССР о созыве третьей сессии означенного Совета на 25 мая в Москве. Гражданам Советского Союза еще раз напоминают таким образом, что существует еще на свете «самая демократическая конституция в мире», существует наилучший в мире советский «парламент», и существуют у президиума этого парламента и какие-то иные функции помимо ежедневной раздачи сотен орденов и знаков отличия. Но зачем, на какой предмет созывается советский парламент, — об этом в указе нет ни слова.

Правда, согласно статье 46 конституции «сессии Верховного Совета СССР созываются Президиумом Верховного Совета СССР два раза в год», и можно сказать, что своим указом Президиум лишь выполняет возложенную на него формальную обязанность, не нуждающуюся ни в каких пояснениях. Но — очередная ли сессия или вне-очередная, какой-то порядок дня, какие-то предметы занятий у нее должны быть. К этому порядку дня должно готовиться правительство. Но к нему должны, как будто, готовиться и депутаты. Более

того. К нему должны подготавливаться как-то и все граждане, если «демократия», которою они имеют счастье пользоваться, не принадлежит к тому сорту, который особенно хорошо известен по итальянским и германским образцам и о котором благодетельственные им народы узнают лишь потому, что их по особо торжественным дням в том уверяют сами власти предрержащие.

И однако: всего 5 дней отделяют нас от открытия «парламента» в момент, когда пишутся эти строки, но ни одной статьи не посвящено еще советскою печатью его предстоящей сессии, ни в одной газетной заметке нельзя найти и намека на содержание его грядущей работы! Советским гражданам и, конечно, самим депутатам Верховного Совета предоставлено гадать, зачем собственно он созывается. Как и весь свет, они, конечно, знают, что им придется сотни раз вставать, чтобы чествовать великого Сталина, до мозолей отбивать ладони аплодисментами его имени и до хрипоты надсаживать горло криком в его честь. Но по какому случаю и в каком смысле будут они прославлять недосы-

гаемый гений диктатора, — это им, опять-таки как всему свету, еще неизвестно. Надо-ли будет чествовать его как великого миротворца, сумевшего уберечь страну от англо-французской «провокации» и обеспечить ей спокойное процветание в стороне от надвигающейся схватки между странами демократического капитализма и возглавляемую Гитлером фашистской «осью», или, наоборот, придется заказывать Лебедеву - Кумачу торжественный акафист ему, как новому Александру Невскому, ведущему россов на новое побоище против гевтонов; окажется-ли нужным в бурных овациях изливать свой восторг по случаю всемилостивейшего манифеста о завершении периода кровавых чисток и расправ, или, наоборот, об'ектом этого восторга должны будут служить новые мероприятия по истреблению всех «невбитых досе» деятелей, так или иначе прикосновенных к истории большевистской партии и большевистской революции; придется-ли ныне здравствующим бериям и мехлисам кричать «ура», как «верным соратникам Сталина» и «железным наркомам», или почести эти надо будет воздавать каким-либо новым, ныне еще неведомым ежовым; — обо всем этом не только граждане Советского Союза, но и депутаты Верховного Совета узнают лишь в тот самый момент, когда будут призваны к выполнению своих «суверенных» функций.

Все это не помешает, разумеется, не только советской печати, но и самим депутатам говорить о гигантской работе, выполненной ими за сессию, о громадном под'еме, с которым они выполняли волю своих избирателей, и о незабываемом счастье, которое они испытывали, созерцая блестящий интеллигентностью, мудростью и добротой лик «вождя». Но все это с несомненностью означает, что наряду с «тайной дипломатией», в которую когда-то столько ядовитых стрел метал большевизм, и «тайная внутренняя политика» входит в прочный обиход Сталинской диктатуры.

Правда, в этом факте нет, в сущности, ничего нового: вед «тайная политика» стояла, можно сказать, у колыбели «Сталинской конституции», о которой Молотов 31 января 1935 года возвестил 7-му Всесоюзному Съезду Советов лишь накануне закрытия его и принцип которой был тотчас-же, единогласно и без прений, принят съездом, хотя до того ни в докладах того-же Молотова и других членов правительства, ни в прениях не было и намека на возможность перехода к «демократии» и «четырёххвостке». Но теперь, после окончательного введения в действие Сталинской демократии эта «тайная политика» утвердилась, очевидно, «всерьез и надолго» и стала таким-же «бытовым явлением», каким были военно-полевые суды и казни в Столпинскую эпоху и каким стали кровавые расправы с «старыми большевиками» в эпоху Сталинскую. Сейчас никто из 170 миллионов «суверенных» советских граждан, никто из депутатов Верховного Совета и даже никто из самой высокой Кремлевской бюрократии, за исключением, быть может, одного-двух наперсников диктатора, не может сказать, не только какова будет завтра внешняя политика Советского Союза и каков будет порядок дня сессии Верховного Совета, но и какова будет промышленная, крестьянская, рабочая, культурная и общая внутренняя политика правительства, более того — кто из лиц, составляющих это правительство, уцелеет еще на своем посту ко дню открытия сессии парламента или останется на нем на следующий день после ее закрытия.

Но тайная внутренняя политика еще более вредна и опасна, чем тайная дипломатия.

Она опасна, прежде всего, самому диктатору. «Несчастье королей в том, что они не хотят знать правды» — эти знаменитые слова, сказанные немецким демократом Якоби прусскому королю в марте 1848 года, еще в бесконечно большей степени верны в применении к диктаторам, — и тем вернее, чем диктатор «то-

В партиях Рабочего Социалистического Интернационала *)

АУСТРИАКУС.

Позиция австрийских социалистов

В новейшей политической истории Австрия не раз стояла в центре событий. На австрийское социалистическое движение наложили особую сильную печать те перевороты общественных, государственных и организационных форм, которые мы ныне переживаем, равно как и перевороты в идеологии рабочего движения. Его нынешняя идейная позиция определяется различными, ему лишь свойственными обстоятельствами.

Первым из этих обстоятельств является продолжающееся воздействие наследия старой, большой партии. Эта партия была более сильна организационно, более успешна в политическом и культурном отношении и жила более напряженной идейною жизнью, чем какая либо другая социалистическая партия. Красная Вена

была самой значительной попыткой осуществления идей демократического социализма, свободного от чрезмерного реформистского искажения и обуржуазивания. Всю жизнь своих членов австрийская партия направляла, охраняла и формировала в гораздо большей степени, чем это имело место в какой-либо другой стране, — за исключением большевиков в России. Эта великая традиция и основанное на ней воспитание продолжают действовать и поныне: они и сейчас еще играют роль скрепляющего цемента.

Но тем сильнее оказалось потрясение, когда эта великая партия была побеждена фашизмом. Правда, она пала в героической борьбе, и австрийские социалисты могут гордиться той своей исторической заслугой, что, наряду с испанскими товарищами, они были единственными, не капитулировавшими перед фашизмом, а оказавшими его наступлению сопротивление с оружием в руках. И все-же: февральские бои 1934 года, представляющиеся внешнему миру и в исторической перспективе славным подвигом, сопровождалась внутри глубочайшим потрясением и разочарованием в политике, приведшей к этой катастрофе. Именно тогда, под огнем Дольфусовских пушек, возникла из старой австрийской социалдемократии новая партия Революционных Социалистов, в своем первом принципиальном заявлении сказавшая о себе, что она является «единственной наследницей и преемницей австрийской социалдемокра-

*) Под этой рубрикой мы намерены в ряде статей, написанных компетентными товарищами из различных партий РСИ, знакомить наших читателей с политической позицией этих партий в основных вопросах современного пролетарского социализма, с их идейно-политической жизнью, с борьбой различных течений и направлений в их среде и т. д.

талитарнее», а более тоталитарного диктатора, чем Сталин, нет и быть не может: равноценная с фашистской в политическом, полицейском и культурном отношении, его тоталитарность значительно превосходит фашистскую в отношении экономическом и бытовом. Вдыхая фирмам бюрократических казней, он не замечает и не может замечать той мстительной злобы, которую накапливают в ближайшем окружении его претерпеваемые этим окружением унижения и испытываемый им страх. Оглушаемый непрерывными овациями и славословиями, он не слышит того глухого ропота, который поднимается из народных низин и сгущается в жгучую ненависть, которая когда-нибудь страшным молотом ударит по тому, кто объявляет себя единственным подавателем всех благ и потому легко окажется единственным же виновником обделенности этими благами широчайших народных масс.

Но «несчастье диктатора» и судьба, которую он готовит себе собственными руками, интересует нас, в конце концов, в высшей степени мало. Что внушает действительную тревогу, так это тот неоспоримый факт, что «тайная политика» является не только несчастьем диктаторов, но и несчастьем народных масс. Когда массы лишены всех способов организованного отстаивания своих интересов и организованной борьбы за них; когда у них отнимают все способы политического воспитания, какие дает им «открытая» политика подлинной демократии и уничтожает «тайная» политика демократии, плебисцитарно фальсифицированной; — тогда рост настроений ненависти, мести, злобы легко обгоняет рост политического сознания; тогда громко говорящие политические эмоции толкают массы на пути, от которых их удержал бы вынуждаемый ныне к молчанию политический разум и которые ведут их в плен враждебным им силам; тогда возникает опасность, что трудящиеся массы и в самом великолепном и революционном порыве своем сыграют роль, которую они не

тнии, но в то же время новым, омоложенным, революционным движением».

За последующие затем годы это потрясающее переживание было перекрыто новыми, еще более волнующими событиями. В их итоге остается исторический факт: социализм Австрии не дискредитирован в памяти и настроениях масс, а сохранил за собою почетные боевые традиции. В грядущей обще-германской революции этот факт может получить очень большое значение.

Вторым обстоятельством, налагающим в настоящее время печать на сознание австрийских социалистов, является опыт четырех лет нелегальной работы в период австрийского клерико-фашизма 1934-1938 годов.

И в этот период австрийское движение выявило особые, ему одному свойственные черты. В обстановке австрийского недоверенного фашизма сделалось впервые возможным возникновение чего-то, что можно назвать массовым нелегальным движением. Руководство движением находилось целиком в самой стране; эмиграция была численно незначительной. Заграничное же Бюро действовало — в тесном согласии с венским ЦК — лишь в качестве важного вспомогательного органа.

Изложение развития и проблем движения за этот, ныне закончившийся период завело бы нас слишком далеко: об этом подробно говорится в книге Отто Бауэра о «нелегальной партии». За это время австрийской партии пришлось решать немало проблем идейного и организационного характера, известных из истории нелегального движения и других партий, сопоставление с которыми составляет особое достоинство книги Бауэра.

раз уже играли в истории, — роль Самсона, погребавшего под развалинами ненавистного ему «филистимского» режима и свои собственные демократические и социалистические возможности и надежды.

Вот мысли, о которых напоминают сухие строки казенного «указа», о которых еще раз должна будет напомнить и сама сессия Верховного Совета. Способностью или неспособностью советских трудящихся масс разорвать путы «тайной политики» и превратить в орудие своей борьбы против диктатуры и своего освобождения ту «демократию», которая сейчас в руках диктатуры играет роль орудия их одурачивания, — вот чем будут определяться шансы демократии и социализма в Сов. Союзе. Для демократа и социалиста нет и не может быть поэтому другой плодотворной работы, как работа над развитием в массах этой способности. Что в сталинских условиях работа эта бесконечно трудна и что за нее вообще могут взяться лишь те, доработавшиеся до демократического и социалистического сознания элементы, которые сохраняются еще или вновь зарождаются в глубочайших недрах самих масс, — об этом спору нет. Но только в этой работе — надежды на спасение демократии и социализма. Вне ее надежд этих быть не может.

„Мировой Большевизм“ по-французски :

Jules MARTOV

“LE BOLCHEVISME MONDIAL”

Préface de Jean LEBAS

Introduction de Th. DAN

Sté d'Éditions «Nouveau Prométhée, Paris 1934.

176 pages. Prix 8.—Frs.

С заказами обращаться в контору « Соц. Вестника »

Сменявшееся в результате арестов руководство партии по разному разрешало отдельные вопросы. Следы этого разного отношения к проблемам и дискуссий дают себя отчасти знать еще и поныне; но все «нелегальные» этого периода одинаково гордятся успешно проведенной работой.

И, наконец, третьим историческим обстоятельством, определившим и оформившим нынешнее состояние австрийского движения, было крушение самостоятельной Австрии, ее завоевание Гитлером. Лишь с этого времени, с осени 1938 года, появилась сколько-нибудь значительная австрийская эмиграция. Центр тяжести движения пришлось перенести за границу: с этих пор появилась и Заграничная Делегация, местопребыванием которой служит сейчас Париж. Движение в стране вынуждено было приспособиться к новым формам: работа стала труднее, сношения с заграничной организацией идут другими путями.

В движении, поскольку оно представлено эмиграцией, — а о ней только и будет идти речь в дальнейшем, — эти новые условия существования вызвали различные изменения. Беженцами оказались не только нелегальные 1934-38 годов, но и старые социалдемократы, лишь весьма слабо, а то и вовсе не участвовавшие в нелегальной работе РС. С их притоком не только возникла проблема призрения беженства, но встал и организационный вопрос: надо было искать форм, которые дали бы возможность объединить в заграничной организации РС и старых социалдемократов, не прошедших через опыт нелегальности. И это удалось. Трудности перегруппировки усилились в трагической степени вследствие то-

А. ЮГОВ.

Бедняки и миллионеры

Колхоз им. Фрунзе Ленинбадского района — колхоз миллионер. В 1938 г. он получил дохода около 3½ миллионов рублей. В этом году он засеял 152 га египетского и 47 га американского хлопка. Кроме того, он засеивает рис, ячмень, пшеницу, имеет сад в 5.566 деревьев, главным образом, абрикосовых, персиковых и миндальных. Ему принадлежат обширные виноградники, огороды и бахчи. За последние пять лет колхоз приобрел 4 грузовых автомашины, 106 лошадей, 115 рабочих быков, 23 верблюда и 2.500 голов мелкого скота.

Колхоз выстроил новое здание «чайханы», в котором помещаются: правление колхоза, бюро партийной организации, комсомольский комитет, библиотека, читальный зал, сберкасса.

«Богатство колхоза ощущается здесь во всем: и в роскошных скатертях, покрывающих столы, и в дорогой зеркальной мебели, и в тысячерублевых коврах, которым здесь нет числа. Потолки украшены красивой резьбой, искусными орнаментами и узорами». Богатеют и колхозники... «Икрам Раджабов заработал 12 тыс. рублей, а Гуфурбай Раджабов — 10 тыс. рублей».

Так сообщает «Правда», в № от 13 мая 1939 г. И в других номерах советских газет, и в специальных брошюрах столь же красочно, столь же ударно сообщается о других колхозах - миллионщиках, о «Красном Востоке», о колхозе им. Коминтерна, о колхозе «Большевик» и т. п.

Многие думают, что эти сообщения просто вымысел, что они просто не соответствуют действительности.

Это неверно. Колхозы - миллионщики действительно существуют.

Но они настолько выделяются из общего уровня гро-

многого большинства современных колхозов, что лишь оттеняют убогость и неблагополучие основной массы колхозов.

Они лишь ярко подчеркивают то материальное расслоение, которое происходит в современной деревне, и происходит в двух направлениях: между колхозами и внутри колхоза — между колхозниками.

О колхозах-миллионщиках охотно пишут советские органы. О них говорят на парадных собраниях и торжественных совещаниях.

О колхозах-средняках и особенно о колхозах-бедняках советская печать молчит.

Тем чаще об этом явлении должны писать мы, как ни скудны те материалы, которыми мы можем пользоваться. Ибо в этом процессе расслоения деревни, в этой социальной перегруппировке — решающие факторы будущего русской революции.

Наркомзем опубликовал сейчас итоги по обработке отчетов 221.029 колхозов за 1937 г. Статистическая разработка охватила, таким образом, свыше 91% всех колхозов СССР, т. е. имела в своем распоряжении материал почти исчерпывающий.

Опубликована, к сожалению, лишь часть итогов и, при этом сознательно в неудобочитаемом виде. Но все же картина получается очень интересная и поучительная. Итоги дают ответ и на вопрос об уровне благосостояния колхозов. На этом вопросе мы сейчас и остановимся.

Все данные за 1937 год говорят о несомненном укреплении колхозного хозяйства в производствен-

го, что вскоре после вторжения Гитлера австрийское движение потеряло своего самого выдающегося и незаменимого вождя, Отто Бауэра. Но к чести товарищей, которым пришлось в это время взять на себя колоссальную ответственность за его наследие, надо сказать, что утрата его не вызвала в рядах австрийской партии ни кризиса, ни сколько-нибудь заметного ослабления. А в это время партии пришлось подойти вплотную к совершенно новой, гигантской проблеме: Австрия оказалась включенной в Германию. Это заставило австрийских социалистов наново формулировать свою позицию в историческом вопросе: Австрия-Германия, но в то же время и отношение свое к германскому социалистическому движению, с которым они столкнулись теперь в печальной и зачастую мизерной эмигрантской действительности.

Это историческое вступление оказалось несколько длинным. Но оно было необходимо, чтобы понять, почему австрийские социалисты являются сейчас партией, которая сама переживает процесс брожения, в которой нет ничего неподвижного, ничего застывшего. Она ставит перед собою все проблемы нашего неустойчивого времени и отнюдь не утверждает, что имеет уже верные решения для всех этих сложных проблем.

Из этих проблем мы выделим наиболее важные и кратко рисуем позицию австрийских социалистов применительно к ним.

Другие эмигрантские партии оторвались более или

менее от почвы своей страны. У австрийских социалистов проблематичным стало самое существование страны.

В 1933 году, когда Гитлер пришел к власти в Германии, австрийская социалдемократия демонстративно сняла требование присоединения Австрии к Германии. Загнанные в нелегальность, австрийские социалисты, несмотря на преследования, которым их подвергал режим Доллфуса-Шушнiggа, вели борьбу против национал-социалистов с такою-же страстью, как и борьбу против черных фашистов, в которых они с полным правом видели лишь предтечу фашистов коричневых. Когда Гитлер в 1938 году насильственно осуществил присоединение Австрии к Германии, социалистам пришлось определить свое отношение к этому факту. Они пришли к заключению и объявили (в принципиальной резолюции, принятой на заседании в Брюсселе в апреле 1938 года), что отныне освободительная борьба австрийских рабочих может вестись лишь совместно с освободительной борьбой трудящихся масс Германии. Австрия не может быть освобождена сомнительными силами партикуляризма, который неизбежно должен был бы оказаться союзником реакции и результатом которого могло бы быть лишь воссоздание экономически нежизнеспособного и политически реакционного карликового государства; она может быть освобождена лишь низвержением Гитлера, т. е. общегерманской революцией. В ее подготовку и должны вложить австрийские социалисты все свои силы.

Такая позиция ставит их в антагонизм к австрийским монархистам и клерикалам, но также и к австрийским

ном отношении. Урожай в этом году был рекордным и за все последнее пятилетие он стоял на относительно высоком уровне. Заметно возросла урожайность. Увеличивается из года в год доля ценных технических культур. Быстро возрастает механизация сельского труда. Свыше половины всех полевых работ по пахоте, посеву и уборке производится с применением тракторной тяги. Улучшаются и методы обработки земли и культур. Благодаря всем этим обстоятельствам ослабела зависимость труда земледельца от природы. Зависимость от «мачехи-земли» и «травинки», о которой так красочно в свое время писал Глеб Успенский.

Впервые в 1937 году явственно начала затягиваться рана, нанесенная сельскому хозяйству гибелью скота в годы принудительной коллективизации. По всем видам скота наблюдается увеличение стада, в том числе и по рабочим лошадям.

Все отчетливее делаются те глубокие основные сдвиги, которые произошли в современной деревне, благодаря развитию агротехники, увеличению машинооборуженности и поднятию культурности деревни.

Такова экономика современной колхозной деревни. Здесь успехи несомненны!

Но в социальной области процессы противоречивы. Подъем благосостояния основной массы колхозников происходит очень медленно. И рядом с этим наблюдается яркий процесс явного обогащения тысяч за счет убогости миллионов.

Таблицы отчетов колхозов за 1937 г. позволяют сделать некоторые выводы об этом процессе расслоения. Распределение колхозов по денежной доходности дает следующую картину. На весь СССР имеется колхозов с доходом в миллион рублей и выше — 561, т. е. 0,3% всех колхозов. Средний колхоз имеет доход до 60 тыс. рублей, таких колхозов свыше 75% всех колхозов. Это означает ниже 100 рублей в год денежных доходов на одного колхозника в среднем.

Миллион рублей дохода и 60 тыс. рублей дохода. Такова пропасть между средним колхозом и колхозом-миллионщиком. Но имеются еще более глубокие пропасти: 6,4% всех колхозов получают денежного дохода за год всего — от 1 до 5 тысяч рублей. Это противоположный полюс колхозной деревни.

Мы ничего не знаем об этих колхозах-бедняках. О них в советской печати не написано ни одной строчки, хотя их в 20 раз больше, чем колхозов миллионщиков.

Колхозы-миллионщики это колхозы, производящие техническое сырье, хлопок, фрукты, чай и лечебные растения. Всего в СССР — 561 колхоз с доходом свыше миллиона, половина этих колхозов находится в Узбекистане — 279. В Таджикистане таких колхозов 28, а на всей Украине — 29. Во всем РСФСР таких колхозов — 150. По всему СССР — колхозов-миллионщиков 0,3%, в РСФСР — 0,7%, в Украине — 0,1%, в Таджикистане — 1%, в Азербайджане — 1,2%, а в Узбекистане — 8% всех колхозов, находящихся на их территории.

Такова дифференциация в отношении денежных доходов. Такова же картина при распределении натуральных доходов. О выдачах картофеля, овощей и других продуктов отчет не сообщает ничего, но об основных выдачах зерна по трудовым отчетам дает некоторый материал.

Оплата трудодня в 1937 году несколько увеличилась по сравнению с 1936 годом. В 1936 г. выдали на трудодень меньше 3 кг. — 88,1%, а в 1937 г. такие выдачи были произведены в 50,6% всех колхозов.

Но и в 1937 г. размеры выдач для основной массы колхозов были невысоки, и особенно был яростен процесс расслоения. Ничтожная доля всех колхозов — всего 0,32% выдали на трудодень свыше 16 кг. Свыше половины колхозов выдали, как мы указали выше, до 3 кг.

коммунистам. Последние лишь слишком легко забывают, что в действительности выдали национал-социалистам страну именно клерикалы, разгромившие австрийских рабочих и тем уничтожившие самую сильную опору демократической Австрии. Но это историческое преступление австрийской буржуазии, это предательство, совершенное из чистой классовой ненависти, интересуется наших коммунистов мало; они высидели целую теорию австрийской «нации» (каковой в действительности никогда не было) и готовы во имя «независимой Австрии» идти на самые подозрительные союзы с австрийской и международной реакцией.

С другой стороны, в той-же брюссельской резолюции австрийские социалисты выразили готовность содействовать идейной переориентировке и организационной концентрации немецкого социалистического движения. На практике эта смычка с германским движением наталкивается на значительные трудности. Предложение австрийских социалистов образовать картель с важнейшими группами германского движения было отклонено Форштаном Социалдемократической Партии Германии (Сопале). В связи с одним практическим делом возник впоследствии «Рабочий Комитет германских социалистов и Революционных Социалистов Австрии», охватывающий важнейшие германские группы за исключением Сопале и осуществляющий неоформленную политическую связь с ними.

Как и для всего мира, проблема «германской территории» была и для социалистов осложнена последовательными завоеваниями Гитлера. С одной стороны, тем самым получила подтверждение мысль австрийских со-

циалистов, что вопрос этот не может быть разрешен в порядке партикуляристическом или национально-изолированном, и что германский фашизм представляет собою силу, существование которой угрожает всем народам и низвержение которой несет всем народам освобождение. Но с другой стороны, завоевание Чехословакии показало с очевидностью, что фашизм не разрешает средне-европейских проблем, а создает новые и еще худшие несправедливости, чем Версаль. Это заставило задуматься над вопросами внешней политики германской революции: на первый план выдвигаются проблемы будущего государственного устройства Средней Европы, его задачи и его опасности. Австрийские социалисты единодушны в мнении, что никакие Гитлеровские завоевания и насильственные акты не могут создавать фактов, исторически непреложных и нерушимых. Они единодушны и в том, что, с социалистической точки зрения, право народов на самоопределение является лишь одной из составных частей свободы и потому должно быть подчинено интересам международной освободительной борьбы. Но относительно практического применения этих принципов германской революцией ясности пока нет.

И тут врезается другой вопрос: сможет ли германская революция, — которая, как мы надеемся, будет лишь частью обще-европейской революции, — свободно развертывать свои силы? Не очутится ли она, если ей суждено вспыхнуть после войны, под давлением, с одной стороны, русской Красной Армии, которая могла бы быть брошена на чашу весов в односторонних интересах Коммунистической партии, и, с другой, армий за-

около 8% всех колхозов выдали меньше, чем по 1½ кг. на трудодень.

К сожалению, отчет не дает сколько-нибудь разработанной или годной к разработке картины распределения трудодней по группам колхозов или внутри колхоза, поэтому у нас нет возможности точно исчислить как было дифференцировано распределение хлеба. Если разделить весь распределенный хлеб на число колхозников, то в 1938 году в среднем на одного колхозника пришлось по 358 кг. хлеба. Это больше средней 1936 г. и превышает тот минимум, который в довоенное время считался необходимым для пропитания крестьянина и его скота в производящем районе — 278 кг.

Но, как мы показали выше, в разных колхозах по разному расценивался трудодень — колебания были от 1 до 10-ти — и разное количество трудодней имели колхозники —, согласно отчету колебания были от 1 до 6.

Таким образом, если нельзя точно исчислить сколько хлеба получили те или иные группы, то можно с полным основанием установить, что, во-первых, были группы, которые получили выше прожиточного минимума, но многие миллионы колхозников имели ниже прожиточного минимума, и, во-вторых, и в отношении натуральных выдач доходы колхозников были резко различны: голодные для миллионов, они были обильны для тысяч.

Отчет Наркомзема дает таблицу денежных доходов не только колхозов, но и колхозников. Выдано денег на трудодень: в 4,2% всех колхозов свыше 3 руб., в 70% всех колхозов до 1 руб. и в 30,6% всех колхозов до 20 коп.

Та же картина резкой дифференциации.

Можно ли говорить о зажиточности, если 70% колхозов оплачивают трудодень ниже 1 рубля, норма, ко-

горая в 1936 г. вызвала большое смущение в среде Наркомзема («Соц. Рек. Сел. Хоз.», № 4, 1936 г.).

Чем же объясняется такая низкая средняя доходность колхозов и колхозников, несмотря на рост продукции колхозов и поднятия их производительности?

Причина в том, что государство налогами, обязательными поставками, оплатой МТС и давлением административного и партийного аппарата изымает из колхоза львиную долю их натурального и денежного дохода.

В 1936 г. в распределение по трудодням поступило лишь 35% собранного зерна, в 1937 г. положение несколько улучшилось, но все же в распределение поступило — 39% всего собранного зерна. Отчеты по колхозам Кубани и по колхозам Воронежской губернии — исчисляют зерно, распределенное по трудодням в 1937 году, лишь в 37%.

«Первая заповедь» Сталина, торжественно им провозглашенная, «выполняй хлебозаготовки» отчетливо формулирует основную причину того, почему колхозники в массе очень медленно улучшают свое благосостояние.

Доля, выплачиваемая крестьянством государству, и резкая дифференциация, происходящая в современной деревне — два основных фактора, объясняющие низкий уровень благосостояния основной многомиллионной массы современной деревни.

Но кроме того, что колхозы отдают непосредственно государству натурой, они вынуждены оплачивать дорогостоящий административный аппарат, быстрый темп механизации — в виде оплаты услуг МТС —, они должны делать отчисления во всякие неделимые и резервные фонды, платить свыше 10% прямых налогов и т. п. В прошлом году в распределение поступило всего 32% всего денежного дохода. В 1937 г., несмотря на специальное постановление СНК и ЦК ВКП: — о распреде-

падного империализма, ненависть которого к германской революции будет столь же велика, как его страх перед всякой революцией вообще?

Этот вопрос волнует многих наших товарищей. Он оказывает сильное влияние и на позицию австрийских социалистов в вопросе о войне.

Еще до Мюнхена в австрийской партии велась оживленная дискуссия по военному вопросу. В этой дискуссии многие товарищи отстаивали мысль, — совпадающую в общем с «военными тезисами» Бауэра, Дана и Жиромского, — что в случае войны против Гитлера австрийским социалистам будет невозможно оставаться в стороне: такая позиция была бы менее всего понята рабочими западных стран, на поддержку которых должна будет рассчитывать германская революция. В то же время эти товарищи признавали, что за первую фазу войны, задачей которой будет военный разгром фашизма, последует вторая, в которой — вероятно, в уже измененном сочетании сил — придется бороться за самоутверждение германской революции и за защиту ее «жизненной территории». Но предвидение этого изменения военного и классового фронтов в ходе самой войны, ничего не меняет в необходимости первой фазы ее.

Этим товарищам противостояли другие, у которых опасение компрометирующего союза с империализмом капиталистических западных держав перевешивало все другие соображения. В случае победы этот империализм будет стремиться расчленив Германию, покарать германский народ за преступления германского фашизм-

ма, задушить германскую революцию: с такими силами недопустимо поэтому и временное сотрудничество.

Мюнхен придал аргументам этих товарищей усиленный вес. События, имевшие место с тех пор, мало что изменили: и поныне у австрийских социалистов нет в этом вопросе абсолютно однозначной и конкретно намеченной линии. Но, если бы дело дошло до войны, то, надо думать, силою фактов установилась бы практически линия поведения, отражающая приблизительно равнодействующую изложенных взглядов — на первых порах с некоторым преобладанием первой точки зрения.

Абсолютно единодушны австрийские социалисты в том, что отказываются и в ходе войны, и вообще руководиться так называемыми национальными интересами австрийского или германского народа; в том, что война, если она вспыхнет, должна будет быть использована для низвержения фашизма; в том, наконец, что все другие интересы должны быть подчинены интересам международного рабочего класса, интересам социалистической революции.

Этот основную установку определяет и их отношение к последнему комплексу вопросов, которому мы хотим посвятить здесь еще несколько слов: к проблемам и нынешним формам международного рабочего движения.

Австрийские социалисты с тревогою отмечают невыдержанность и дезориентированность, теоретическую и принципиальную неустойчивость, которая так явно дает себя знать в политике рабочих партий демократических стран и, в случае войны, грозит снова толк-

лении не менее 60-70%, было распределено в среднем по всей СССР — 48% всех денежных доходов.

Непосильная доля, изымаемая государством, высокие производственные и непроизводственные расходы, низкая относительно доходность колхоза для отдельного колхозника заставляют его значительную часть своего внимания и интереса направлять на свое маленькое, но интенсивное усадьбное хозяйство.

Государство это знает, но до сих пор было вынуждено с этим обстоятельством мириться. На последнем съезде ВКП в руководящих речах прозвучали явные угрозы дальнейшему росту усадьбного хозяйства.

«Не без влияния чуждых и прямо вредительских элементов интересы подсобного хозяйства колхозников в некоторых случаях стали противопоставлять интересам колхоза», — сказал Молотов.

Еще яснее об этом сказал Андреев.

«Был период, когда наши колхозы были еще слабы... Тогда правильно был поставлен вопрос о допущении личного хозяйства колхозника по скоту, приусадебных земель... Теперь, когда колхозы уже окрепли, надо уда-

рание сделать на укрепление и расширение общественного колхозного хозяйства...»

Резолюция 18-го съезда дает прямую директиву вести усадьбное хозяйство к самому минимуму.

Общеполитическое положение сейчас в СССР, в связи с угрозой войны, не таково, чтобы советская власть решилась на новый поход против частного хозяйства колхозников, но речи Молотова и Андреева и резолюция съезда показывают, что никакого понимания того, на каких путях возможно укрепление колхозной системы и повышение благосостояния крестьян, в руководящих кругах советской диктатуры не имеется.

Они ничему не научились. Вместо честного соглашения с крестьянством, вместо увеличения заинтересованности крестьянства в сохранении колхозной системы, советская власть готова в любой момент прибегнуть к мерам насилия и административного давления.

Анализ отчетов колхозов за 1937 год убедительно показывает, что колхозное крестьянство имеет все основания быть недовольно тем, как складываются его хозяйственные взаимоотношения с государством.

С. ШВАРЦ.

Восьмой пленум ВЦСПС

Возвращается ветер на круги своя. Шестой пленум ВЦСПС попытался было — два года назад — остановить процесс омертвления советского профессионального движения и вернуть в какой-то мере союзам их роль организаций защиты особых, экономических и социальных интересов рабочих масс. Это был полу-возврат к

нать значительные части этих партий на путь политики «священного единения».

С другой стороны, они отдают себе вполне ясный отчет в роковом развитии диктатуры в Советском Союзе и в полном идейном, моральном и политическом упадке коммунистического движения. В основу своего ограниченно-практического сотрудничества с Коммунистической Партией Австрии (с которой установлено с 1934 года не слишком тесное единство действий) они кладут именно ясное отграничение от коммунизма и вполне определенную критику коммунистов с пролетарско-революционной точки зрения.

Обе существующие ныне международные рабочие организации — и РСИ, и Коминтерн — они не считают способными в их современной форме выполнить задачу, которую ставит перед ними история: руководить рабочим классом в грядущих революционных решающих боях. Но они не видят, конечно, основания покинуть занимаемое ими в рядах РСИ место, чтобы променять его на бессмысленную изоляцию или на сектантские новообразования, не имеющие ныне никакой мощной опоры.

Но австрийские социалисты верят, что революционный социализм возродится из жестоких испытаний и железных необходимостей грядущих великих исторических боев между классами. Из битв, в которые ввергает мир начатая фашизмом «перманентная война», и французский, и английский пролетариат выйдет таким, как это и не снится его нынешним сверх-легалистским, либерально-демократическим и реформистско-бюрократическим представителям. Австрийский социализм, обогащенный наследием великих воспоминаний и закаленный в катакомбах нелегальности, верит в возрождение свободы и в обновление Интернационала.

«советскому тред-юнионизму» Томского, под руководством которого сложилось в свое время своеобразное профессиональное движение, отвергавшее в Сов. Союзе классовую борьбу и пытавшееся отстаивать интересы рабочих и служащих, исходя из принципов социального мира, но в этих узких рамках действительно стремившееся — такова по крайней мере была принципиальная установка — к защите интересов наемного труда*). Если бы намеченная на шестом пленуме программа перестройки профессионального движения была осуществлена, шестой пленум явился бы, вероятно, исходной точкой возрождения в Советском Союзе начатков профессионального движения в европейском смысле слова, как самоуправляющегося (по французской терминологии «автономного») организованного движения рабочих масс. Но этого-то высшая партийная и профсоюзная бюрократия и боится пуще огня. Растерявшаяся было и отступившая перед требованиями жизни, она вскоре оправилась, и саботаж решений шестого пленума ВЦСПС начался в сущности почти на следующий же день после окончания работ пленума.

Седьмой пленум ВЦСПС, благополучно созданный не через полтора месяца («не позднее 1-го июля»), как этого требовало постановление шестого пленума, а почти через полтора года, осенью 1938 г., свел на три четверти на нет решения своего предшественника, но все-же пытался сохранять какую-то видимость преемственности по отношению к прошлогодним решениям**). И только сейчас — к 10-ой годовщине падения Томского и разгрома советского профдвижения назначенными ЦК ВКП — весенние ошибки 1937 г. окончательно предаются официальному забвению.

Сейчас все проблемы, встающие перед профсоюзами, опять, как до шестого пленума, рассматриваются прежде всего, если не исключительно, под углом зрения производства. Эта производственная установка

*) См. статьи «Пленум ВЦСПС» в № 9 и «К итогам пленума ВЦСПС» в № 10 «Социалистического Вестника» за 1937 год.

***) См. статьи «Через год после шестого пленума ВЦСПС» в № 8 и «Обратный ход! (К итогам 7-го пленума ВЦСПС)» в № 18 «Социалистического Вестника» за 1938 год.

обязательна сейчас не только в вопросах общей экономической и социальной политики, но решительно во всех областях профсоюзной деятельности. — Вплоть до вопросов организационной политики профсоюзов: даже кампания по перевыборам профсоюзных органов рассматривается прежде всего под углом зрения «поднятия производственной активности профсоюзных масс» («Труд» от 27-го апреля). — Вплоть до заботы о столовых, общежитиях, банях, детских учреждениях и прочих «мелочах» быта рабочих («Труд» от 11-го мая). — Вплоть до охраны труда: «Работа по охране труда должна быть направлена на выполнение плана третьей Сталинской пятилетки, на повышение производительности труда», так формулировала на состоявшемся только что восьмом пленуме ВЦСПС основную задачу отдела охраны труда ВЦСПС заведующая этим отделом Куркина («Труд» от 28-го апреля).

Интересную иллюстрацию такой узко-производственной установки профсоюзов привел на пленуме — в виде заслуживающего всяческого подражания примера — председатель ЦК профсоюза рабочих обувной промышленности Асланов. Это отмена коротких перерывов за счет рабочего времени на конвейерных работах на обувных фабриках («Труд» от 24-го апреля). Незадолго до пленума тот же Асланов рассказал в «Труде» об этом заслуживающем внимания факте несколько подробнее. На конвейере на обувных фабриках установлены (кроме обеденного перерыва) два небольших перерыва за счет рабочего времени общей сложностью в 20 минут. Это «так называемые перерывы для курения», но «по условиям производства такие перерывы необходимы». Асланов, конечно, не упоминает, (а, может быть, и не знает), что короткие перерывы в работе на конвейерах за счет рабочего времени, часто в общей сложности за рабочий день значительно превышающие 20 минут, очень широко распространены на Западе и являются одним из элементарных требований профсоюзов при введении поточной работы. У нас все наоборот. Но предоставим слово Асланову:

«...Передовые люди наших предприятий потребовали устраивать перерывы для курения не за счет рабочего времени. Конвейер должен работать на полную мощность все 7 часов.

ЦК профсоюза обувной промышленности прислушался к голосу передовых рабочих и поставил этот вопрос перед наркоматом легкой промышленности и ВЦСПС. При непосредственном участии тов. Шверника этот вопрос был быстро разрешен. Во время пересмотра норм наркомом был издан приказ, один из пунктов которого гласил, что перерывы на курение должны иметь место только на конвейерах или в поточном производстве и не должны включаться в рабочее время» («Труд» от 10-го апреля).

Ну и конечно, по Асланову, «рабочие с удовлетворением встретили этот приказ». Ложь входит необходимым элементом в систему «производственной» политики профсоюзов.

Отказ от новой профсоюзной политики, намечавшейся два года назад, с особенной рельефностью обнаруживается в вопросе о коллективных договорах. Шестой пленум ВЦСПС призвал союзы к активной роли в вопросах заработной платы и постановил возродить практику коллективных договоров, с 1933 г. не перезаключавшихся и фактически совершенно сошедших на нет. Но вот и через полтора года, ко времени открытия 7-го пленума ни одного коллективного договора не было заключено и только разработка коллективного договора для автозавода им. Сталина в Москве была почти закончена во всех неожиданно многочисленных инстанциях и подписание этого договора ожидалось в конце сентября 1938 г., после чего до-

говор этот должен был приобрести характер типового договора и колдоговоры должны были получить широкое распространение. Правда, договор этот, как он намечался осенью 1938 г., уже и принципиально резко отличался от коллективных договоров в традиционном значении слова, о которых говорилось на 6-м пленуме. Об этом я писал подробно в упомянутой выше статье, посвященной итогам 7-го пленума, и сейчас на этом можно не останавливаться. Но даже и такой коллективный договор, в котором «упор делается на основные вопросы, способствующие выполнению производственной программы, росту производительности труда, а отсюда и повышению благосостояния трудящихся» («Труд» от 18-го сентября 1938 г.), ощущается сейчас как инородное тело в системе современной профсоюзной политики, и проект колдоговора для автозавода им. Сталина как-то тихо отошел в небытие, и на 8-ом пленуме о колдоговорах никто не решился даже и напомнить.

Отказ от системы коллективных договоров это лишь один из показателей поворота назад от новой профсоюзной политики, намеченной — в сущности так робко и половинчато — шестым пленумом ВЦСПС. Может быть, еще более наглядным показателем этого поворота является упразднение самостоятельных отделов заработной платы в ВЦСПС и ЦК профсоюзов и комиссий заработной платы в прочих профсоюзных органах. Отделы эти и комиссии и восстановлены-то были всего лишь в промежутке между шестым и седьмым пленумами и самым фактом своего существования напоминали рабочим о самостоятельных задачах профсоюзов в вопросах заработной платы. Сейчас, несмотря на робкие протесты со стороны некоторых участников пленума (председателя ЦК железнодорожников Центра Тарасова и председателя ЦК рабочих шерстяной промышленности Никитиной, «Труд» от 25-го апреля), постановлено самостоятельные отделы и комиссии заработной платы упразднить, слив их с отделами и комиссиями массово-производственной работы. Шверник с полной откровенностью говорил о значении этой реформы на пленуме, подчеркнув, что упразднение самостоятельных отделов и комиссий заработной платы необходимо для того, чтобы полностью подчинить профсоюзную политику заработной платы борьбе за поднятие производительности труда («Труд» от 11-го мая). Это по крайней мере ясно.

Читатели наши, вероятно, не забыли и о другом вопросе, которому на 6-ом пленуме было придано особенно большое значение. Это был вопрос о новом типе устава профсоюза. Вопрос этот имеет свою предисторию, восходящую к началу 30-х годов. О ней у нас в свое время сообщалось. 6-ой пленум, «придавая большое значение типовому уставу, который должен сыграть громадную роль в дальнейшем развитии советских профсоюзов», не вынес окончательного решения по представленному ему президиумом ВЦСПС проекту, а избрал специальную уставную комиссию, которой поручил переработать представленный ему проект «с учетом состоявшегося на пленуме обмена мнений» с тем, что «не позднее 1-го июля» (1937 года) проект должен быть доложен 7-му пленуму ВЦСПС и осенью того же года представлен на утверждение 10-го съезда профсоюзов. На 7-ом пленуме вопрос о типовом уставе вновь широко обсуждался, но опять был отложен. А на состоявшемся только что 8-м пленуме его молчаливо сняли с обсуждения, и когда один из участников пленума, заведующий орготделом ЦК союза рабочих стекольной промышленности Мартыянов бестактно о нем напомнил («Труд» от 8-го мая), на него посмотрели, как на чудака, которому про-

сто не отвечают. А о созыве 10-го с'езда профсоюзов уже никто на пленуме даже и не упомянул.

Впрочем 8-ой пленум ВЦСПС и вообще мало походил на профсоюзную конференцию. Это было по общему характеру прений какое-то гигантское «производственное совещание», бесплодное и как производственная конференция уже по одному тому, что здесь в перемежку говорилось о самых разнообразных отраслях труда с глубоко различными производственными условиями. Внешняя форма производственного совещания неизбежно навязывалась пленуму той доведенной до крайности производственной установкой, которая вновь стала сейчас обязательной для советского профессионального движения. Но не в этом заключался общественно-политический смысл пленума и, конечно, не для этих пустяков его созвали.

Уже самое постановление президиума ВЦСПС о созыве 8-го пленума, опубликованное в московских газетах от 17-го апреля (т. е. всего лишь за пять дней до открытия пленума), ясно указывало, каков действительный смысл будущего пленума. В порядок дня пленума были внесены всего два пункта: «о работе профсоюзов в связи с решениями 18-го с'езда ВКП» и «о выборах профорганов». Центр тяжести, конечно, лежал в первом вопросе, и показательно, что ни доклад Николаевой о выборах профорганов, ни резолюция по этому вопросу, принятая пленумом, и сейчас еще, почти через три недели после окончания работ пленума (предо мной «Труд» до 16-го мая включительно), даже не опубликованы.

Если у кого-либо еще могли быть хоть малейшие сомнения относительно того, что единственная действительная задача пленума сводилась к мобилизации профсоюзов в качестве вспомогательного аппарата при компартии, — советская печать перед и во время пленума должна была эти сомнения рассеять. «По большевистски руководить профсоюзным активом, по сталински воспитывать его, готовить лучших людей профсоюзных организаций к вступлению в ВКП», таков единственный лозунг «к 8-му пленуму ВЦСПС», который во всю ширину газетного листа выдвинут был «Трудом» на следующий день после сообщения о предстоящем созыве 8-го пленума. А передовую, посвященную открытию пленума, «Труд» (от 23-го апреля) так и озаглавил с заслуживающей всяче-

ской похвалы откровенностью: «Будем работать, не покладая рук, над выполнением решений 18-го с'езда ВКП». Все в том же «плане» редактор «Труда» Попов патетически возвестил на пленуме, что «первейшая обязанность профсоюзов состоит в том, чтобы мудрость Сталинского доклада (на 18-ом с'езде), величие Сталинских лозунгов донести до каждого рабочего и служащего» («Труд» от 10-го мая). Таких цитат можно было бы привести множество.

Уже в прошлом году, подводя итоги 7-му пленуму ВЦСПС, я имел случай показать, как подчинение профсоюзов компартии начинает принимать невиданные даже в многострадальной истории советского профдвижения формы. Сейчас последние фиговые листки отбрасываются. Союзы открыто превращаются в какой-то массовый рабочий придаток к компартии, играющий по отношению к компартии подчиненную и вспомогательную роль. Эта эволюция профсоюзов заслуживает сейчас тем большего внимания, что компартия как раз сейчас сама переживает глубокую внутреннюю эволюцию, все отчетливее и откровеннее превращаясь из партии рабочего класса, какой она была когда-то в действительности и еще не так давно оставалась по крайней мере «в принципе», в партию так наз. «советской интеллигенции», т. е. по существу, в основном в партию советской и партийной бюрократии. В этой нарастающей разнородности социального субстрата профсоюзов и компартии диктатура верно ощутила для себя угрозу. Этим и объясняется та исключительная энергия, с которой компартия пытается сейчас лишить союзы последних следов самостоятельности и сделать их подчинение компартии абсолютным, и только эта задача в сущности и стояла перед 8-м пленумом. От того, удастся ли в конечном счете компартии разрешение этой задачи, будет в значительной степени зависеть на ближайшие годы все внутреннее развитие Советского Союза.

P. S. Статья эта была уже набрана, когда нами был получен «Труд» от 18-го мая, в котором опубликован доклад Николаевой «О выборах профорганов» и принятые пленумом резолюция по докладу и инструкция по выборам. И доклад этот, и оба постановления пленума посвящены главным образом вопросам избирательной техники и с общественно-политической точки зрения интереса не представляют.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Литературно-революционные портреты

5. Борис Пильняк.

Тернист и порою драматичен бывал путь русского писателя в старой России. Еще тернистее стал он в Советском Союзе. Судьба Бориса Пильняка, одного из пионеров советского периода русской литературы может тому служить наглядной иллюстрацией. Два раза официальная критика отлучала Пильняка от литературы. Оба раза после признания Пильняком своих «ошибок», вмешательства Горького и ряда видных коммунистов, он был прощен. В третий, и на этот раз, по видимому, окончательно, он отставлен от литературы за свою связь с «троцкистами» и другими «врагами народа» в 1937 году. С тех пор имя его исчезло.

В литературу Пильняк пришел почти накануне революции. Он пришел сюда с большим и интимным зна-

нием уездной России. Среди писателей, которые оказали на Пильняка влияние, нужно выделить Андрея Белого, поиски которого в области художественной прозы пришлись особенно по душе Пильняку. Революционизирование русской прозы, предпринятое Белым, активно поддержанное А. Ремизовым, Евгением Замятиным и др., нашло в Пильняке самого крупного популяризатора. Первые поиски новых путей русской прозы выразились в провинциально-городской тематике. В обширной русской литературе провинциально-городской теме издавна не везло; она часто возникала и вновь, на подобие чахлого лесного ручья, исчезала. До широких кругов общества городская тема впервые дошла в «Бедной Лизе» Карамзина и «Повестях Белкина» Пушкина, поддержана была и Гоголем. Но провинциально-

му городу трудно было конкурировать в литературе с господствовавшей и все подавляющей темой помещичьей и крестьянской страны. Из крупных мастеров городской провинции удалось остаться в литературе только Лескову.

Но вряд ли сумел бы и Пильняк популяризовать эту тему, если бы в это не вмешалась сама революция. Это она решила участь этой большой, затонувшей темы, пробудив в широких кругах читателей острый интерес к людям, пришедшим из неведомой провинции и сразу занявшим такое видное место в делах и днях революции.

Первое крупное произведение Пильняка, роман «Голый год» (1922 г.), переработанное им из отдельных рассказов сборника «Быльё», является вместе с тем и первой попыткой на обширном материале провинции дать синтетическое представление о революции. Действие романа происходит в маленьком, чуть не заштатном городке Ордынине, который «в последний раз жил 70 лет тому назад»: «Была у России такая эпоха, — чорт его знает, как назвать эту эпоху! — когда и России-то собственно не было, а было лишь бесконечное, в зное засохшее пространство с полосатыми верстами, мимо которых мчались до Петербурга», чтобы там отрапортовать: в области имя-рек все обстоит благополучно. «Благополучие» зиждилось на старом, прочном быте, в котором состязались самодурство, производ и юродство. Донат, сын одного из столпов этого «благополучия», еще до войны сбежавший от отца, именитого купца города, возвращается в Ордынин в октябре 1917 года. Роль Доната в романе ограничена: он только повод для писателя, чтобы дать характеристику старого купеческого уклада, пушенного революцией под откос. Вместе с ним пушена по ветру и вся прежняя жизнь. Носители нового — большевики: «кожаные люди в кожаных куртках — каждый в стать, кожаный красавец, каждый крепок и кудри кольцами под фуражкой на затылок, у каждого больше всего воли в обтянутых скулах, в складках у губ, в движениях утолщенных и дерзания».

Несмотря на лестную аттестацию — внутренне этими «большевиками» Пильняк занят очень мало. Писателя, как и его героев, по-настоящему интересует только одно: сокровенные пружины революции. О революции думают, проклиная ее, кондовые купцы и юродивые, интеллигенты, князья, рабочие, крестьяне, ремесленники. Вот почему, несмотря на склонность к умствованию, характерную для писателя, ему удается показать большой кусок России, всей массой устремившейся «делать свою историю».

Пильняк был первым писателем, который в 1917 году почувствовал начало большой народной революции. Сегодня это кажется общим местом, триумфом, в 1922 году — это было еще великой ересью. И официальная критика не преминула поставить на вид Пильняку его «мелкобуржуазное» происхождение, мешающее ему осознать «пролетарский характер» Октября.

Октябрьская революция — революция народная и мужицкая, — таков был исходный тезис Пильняка. Интеллигенция потому отшатнулась от Октября, что она не органическое производное русской истории, а детище Петровской политики, вздернувшей Россию на дыбы. Народ же и после Петра продолжал жить, как до него. Вот отчего, когда теперь народ делает революцию, даже внешне страна своим бытом, правом и городами «пошла назад в 17-ый век». Эти мысли интеллигента Глеба Ордынина перекликаются с думами анархистствующего крестьянина Егорки: «Нет никакого Ин-

тернационала, а есть народная русская революция, бунт и больше ничего».

Этот же тезис в более контрастной форме воплощен и в «Третьей Столице» (1923 г.), написанной Пильняком под непосредственным впечатлением отъезда его поездки в послевоенную Европу. Вся философия притяжения Октябрьской революции выражена здесь в одном отступлении: «Как ни ужасен был пьяный Петр — дни Петровской эпохи останутся в истории русской — поэмой». И такой же «поэмой», несмотря на все ужасы, останется и нынешняя революция. При всем том, Пильняк — современник новой главы русской истории и поэтому он знает, какую «цену» платит страна за нее. Все свои, порой мучительные раздумья, Пильняк воплощает в образе Емельяна Разина, «русского кандидата филологических наук», служившего секретарем уездного наробраза. 5 лет этот скромный секретарь работал, не покладая рук, в нищете и лишениях. Но вот он побывал за-границей, вернулся домой. Над Россией шла весна, великий пост. И Емельян Разин вдруг увидал, «как убога, как безмерно нища Россия, — он услышал все дубасы российские и увидел одеяло в окне (стекло разбилось и дыру уже несколько лет назад законопатили старым одеялом), он увидел, что жена его донашивает малицу, — он не мог простить миру стоптанные башмаки своей жены. Не всякому дано видеть, и иначе, кто видит, — безумец».

Отныне образ Емельяна Разина, незаметного русского человека, безропотно сносящего все лишения великой «поэмы» русской истории, но в тиши накапливающего обличительный материал против «поэмы», — становится заведомым произведением Пильняка. Между двумя грандиозными «Да» и «Нет» — притяжения и отрицания Октябрьской революции — незаметно вклинивается сила, и д у щ а я из н е д р у е з д н о й, з е м с к о й Р о с с и и. Удельный вес ее в ощущении писателя — невелик, и вместе с тем он, может быть, единственный писатель, который раньше всех почувствовал, что свидетельство, самочувствие и оценки этой третьей силы — в будущем могут иметь решающее значение. Знаменательно, что уже тогда, в 1923 году, защиту и оправдание диктатуры Пильняк поручает иностранцу Смигу. Смит, попав в Россию, очень скоро разобрался во всех «неувязках» новой главы русской истории. Беглого чтения советских газет Смигу было достаточно, чтобы заметить «игру отвлеченными понятиями». Беседы с общественными деятелями, с рабочими, интеллигентами только укрепили в Смиге убеждение, что в этой стране «в с е л г у т»: «ложь всюду, в труде, в общественной жизни, в семейных отношениях. Лгут все, и коммунисты, и буржуа, и рабочие, и даже враги революции». И тем не менее Смит считает, что эта ложь имеет глубокое оправдание: «Я много думал о воле видеть и ставил ее в порядке воли хотеть: оказывается есть иная воля — воля не видеть, когда воля хотеть противопоставляется воле видеть». Здесь охарактеризован один из узловых конфликтов внутри революции. На просторах огромной страны сталкиваются две силы: стихия революции и реальная страна.

В «Повести непогашенной луны» (1925 г.), чуть не стоившей Пильняку его писательской головы, разработан конфликт между революцией и ее властью. В отличие от большинства вещей Пильняка, написанных трудно, — рисунок повести здесь предельно прост: Командарм Гаврилов по требованию центрального комитета партии приезжает в Москву с Кавказа, где он находился в отпуску по болезни. Гаврилову дается понять, что ЦК желает, чтобы он подвергся операции. Об'ективно операция не нужна, врачи — против нее, сам Гаврилов

почему-то тоже боится операции. Но на ней настаивают из таинственного центра. Гаврилов подчиняется приказу. Во время операции выясняется, что она действительно ненужна, но на беду организм Гаврилова сопротивляется хлороформу, ему приходится дать его в таком количестве, что он умирает. Повесть имеет свою подоплёку. В 1924 году в результате пустяковой операции умер Наркомвоен Фрунзе. Известно было, что он симпатизировал Зиновьеву. Сейчас же после смерти Фрунзе возник слух, что под благовидным предлогом операции Фрунзе был устранен Сталиным. Слух этот несомненно и лег в основу повести Пильняка, хотя в предисловии к ней Пильняк отвергал сходство смерти своего Гаврилова со смертью Фрунзе (чем, между прочим, только усилил подозрение, вызвав взрыв возмущения официальной критики). Оставляя в стороне выяснение исторической правды о смерти Фрунзе, повесть нужно рассматривать в плане органического развития взглядов Пильняка. Случай с Фрунзе дал толчок художнику, чтобы воплотить конфликт внутри революции, о котором уже давно смутно подозревал Пильняк. В просторах огромной стихийной революции с разгулом народного бунта и народного правотворчества обозначается некая таинственная сила, воплощающая «волю не видеть», эта сила становится над революцией, претендует на то, что она-то и есть подлинное воплощение революции. В зашифрованном виде трагедийный узел повести дан в бреду командарма Гаврилова на операционном столе: «Скорости все открыты, земли уже не видно, я все помню», — шепчет Гаврилов и вдруг затягивает старую фабричную песню: «За Уралом живет плотник, золотой мой, золотой», своей милой наивностью еще больше оттеняя трагизм предыдущей мысли.

Да, скорости все открыты, полет воли неудержим, земли уже не видно: из революции растёт сила, которая не остановится ни перед командармом, ни перед самими вдохновителями Октября...

Поискам месторождения конфликта внутри революции посвящено самое крупное произведение Пильняка «Машины и волки» (1925 г.).

В предисловии к этому роману Пильняк рассказывает, что, будучи в Англии, ему довелось познакомиться с английским матросом Кузьмичевым, русским по происхождению. Матрос спросил его: «А, чай, очень хорошо было в России в 20-ом году, когда вы там жили без денег... И были такие продкомы, куда каждый сносил свои единицы труда и брал оттуда все, что нужно было по этим единицам». «Да, было очень хорошо», сдержанно ответил писатель, подумав про себя: «Иначе я не мог ответить, ибо я не смел оскорбить человека и не хотел быть против человечества и человеческой истории, да Кузьмичев и не поверил же мне, если бы я сказал иначе». Но вечером того же дня Пильняк много думал над тем, что «несчастье человеку, если он знает больше, чем может»...

«Машины и волки» — свидетельство этого огромного, почти интуитивного «знания» писателем внутренних конфликтов русской революции. Главный герой повести — провинциальный статистик Иван Александрович Непомнящий — разновидность Емельяна Разина. Персонально он почти не участвует в повести, активно не участвует, повидимому, и в самой советской жизни. А между тем, по свидетельству автора, Ивана Александровича «многие хотели придушить, даже своими собственными руками, если бы нашли повод». Непомнящий всего на всего смиренный человек, маленький провинциальный статистик. Но цифры в русской революции, хотя и «бескровны», — самые нелицеприятные свидетели.

Основной конфликт внутри революции заключается по Пильняку в том, что в ней сшиблись лбами две правды: «мужичья Русь, Расея» и «пролетарская машинная революция». На «романтику пролетарской революции» «волчья Расея» ответила «цифрами, 20-ым годом, Волгой (голодом)». Статистик Непомнящий и копил все эти цифры... По его мнению Россия сопротивляется «машинной социалистической революции», потому что она не по карману стране: «изъ подмышек ноги не растут, а растут откуда следует... и я за Россию».

Совсем иначе подходит к «пролетарской революции» бывший дворянин Дмитрий Росчиславский — первый в литературе предвестник будущих «непартийных большевиков». Ему по душе «метафизика пролетария». Его мысли о труде, как единственном спасении России, о грядущей трудократии под водительством технической интеллигенции перекликаются с мыслями беспартийного инженера Форста: «Только труд, только накопление ценностей спасут Россию». Вот почему беспартийный Форст протягивает руку коммунисту Лебедухе, говоря: «Нам с вами по пути», предвостыщая тот союз «беспартийной интеллигенции с коммунистами», который был провозглашен Сталиным 10 лет спустя. По мнению Форста в России нэпа есть только две силы: «обыватель и коммунист». «Если победит обыватель — Россия погибла». Но она погибнет и в том случае, если победит коммунист, который не хочет понять, что «ноги из подмышек не растут». Только сочетание этих двух сил может спасти Россию, коснеющую в невежестве и нищете. Вот почему надо унять «национальную русскую душу», всегда склонную только к бунту, только к анархии. Унять эту стихию может только «черная чья-то рука, жестокая и стальная, как машина, государственная». Ее, эту государственную руку, Пильняк чувствовал уже в 1925 году, когда писал: «Это она взяла под микитки и Россию, и русскую метелицу, и мужика, — сжала до хрипоты, это она захотела строить, строить, слышишь, строить!». Здесь в виде патетического возгласа дана уже вся идеология индустриализации, как она замаячила перед партийной и непартийной интеллигенцией на излете первой пятилетки.

Так своими путями пришел Пильняк к преодолению возникшего антитезиса о полярности аппарата власти и народной революции и приблизился к синтезу: приятную диктатуру — власти надклассовой и надреволюционной, которой суждено одолеть и «машины и волков».

Оба последних романа Пильняка — «Волга впадает в Каспийское море» и «Созревание плодов» — с точки зрения официальной идеологии вполне благополучны. Вместе с поднимающимся во время строительства обеих пятилеток верхним слоем советского общества Пильняк около 1934 года был полон оптимизма и веры в то, что трудности строительства уже позади, а недовольство и сопротивление масс «надёжно закопано в геологию».

Но, несмотря на это благополучие, Пильняк был в числе первых жертв страшной чистки рядов литературы, последовавшей вслед за Московскими процессами 1936/37 года. В действительности Пильняк, конечно, никогда не был троцкистом, вообще не был «политиком»

**ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ,
ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

в узком смысле слова. Но он был интимно связан с тем поколением, которое сложилось под знаком Октября. И для него синтез, до которого он доработался еще десять лет назад и который внешне как будто так приближал его к новейшей официальной политике, оставался — субъективно — синтезом на революционной основе, осуществляемым в рамках традиций Октября. Вот почему в Пильняке новая сталинская Россия особенно остро почувствовала чужака, и когда Сталин приступил к рубке Октябрьского леса, он поспешил прикончить Пильняка, этого самого яркого и своеобразного метафизика Октябрьской революции.

Л. АГРЕНЕВ.

Дар предвидения

В фельетоне «Сталинский процесс против Мартова» («С. В.», № 7/8 от 28 апр.) тов. Г. Аронсон перечислил только действующих лиц этого исторического фарса: Сталина, Свердлова, Сосновского, Крыленко. Но

Р. АБРАМОВИЧ.

Реформа Интернационала?

Маленькая цифровая сводка ярче всего осветит те глубокие изменения, которые за 16 лет со времени основания РСИ в Гамбурге произошли в европейском социалистическом движении.

В мае 1923 года в Европе, не считая стран Советского Союза, насчитывалось 28 стран с массовым социалистическим движением, действовавшим на открытой общественной арене на основе более или менее демократически организованной государственности. 35 социалистических партий работали в этих странах как легальные парламентские партии.

Сейчас, в мае 1939 года, таких стран имеется только 10 (не считая Люксембурга), и партий в них действует всего 12. Тринадцать стран за это время перешли под власть тоталитарно-фашистских или полу-фашистских режимов, и рабочее социалистическое движение в них исчезло с легальной арены. 16 партий, примыкавших к Рабочему Социалистическому Интернационалу, превратились в нелегальные, в том числе такие огромные миллионные партии, как германская, австрийская, обе чешские, не считая уже Италии, Испании, Румынии, Латвии, Литвы, Югославии, Болгарии, Греции и др.

Это изменение конструкции европейского социализма является, конечно, лишь внешним проявлением того гигантского геологического сдвига, который произошел за упомянутые годы в политическом развитии Европы. Но оно не могло не отразиться на организации РСИ.

Эпоха основания РСИ совпала с началом периода послевоенной стабилизации в Европе. Преодоление рурского кризиса и укрепление Веймарской Республики в Германии, опыт рабочего правительства в Англии, эпоха Бриана во Франции, Локарнский договор и расцвет Лиги Наций и Конференции Разоружения в Женеве, — все это, озаренное сиянием безграничной «просперити» в Соед. Штатах и эпохой «Нэпа» в Советской России, — как бы предвещало долгий период органического под'ема и демократического развития во всем мире. Продолжающийся террор в Советской России и на-

действующие в фарсе лица предполагают сцену, а сцена — кулисы. И вот, за этими кулисами находилось еще одно лицо, в то время только истерическое, а ныне весьма историческое... Речь идет о генеральном прокуроре СССР — Андрее Януарьевиче Вышинском. Роль этого лица в затронутом историческом эпизоде была весьма маленькой, но зато очень для него характерной.

В то время Вышинский состоял членом РСДРП и занимал в ней место на крайнем правом фланге. Вечером накануне процесса над Ю. О. Мартовым нынешний прокурор скромно возвращался с группой товарищей с меньшевистского собрания. Единственная тема разговора: завтрашний процесс. Вышинский вспоминает свою деятельность на Кавказе и, чуть ли не в качестве очевидца, рассказывает подробности о роли «Кобы-Сталина» в экспроприации парохода «Николай I». На вопрос товарищей, почему же он, Вышинский, не выступает завтра на суде в качестве свидетеля, последовал невнятный и уклончивый ответ.

Теперь только поражаешься, каким даром предвидения отличался уже тогда нынешний генеральный прокурор СССР!

чало фашистского развития в Италии были единственными темными тучками на этом сияющем небосклоне. Но наличность в РСИ трех нелегальных партий из большевистской России и все больше теряющей свою легальность итальянской партии не меняла существенно основного облика Интернационала, как сообщества массовых легальных партий.

Тем более, что относительно Советской России большинство западно-европейских социалистов было уверено, что дальнейшее развитие ленинской «передышки» автоматически приведет к смягчению политической диктатуры, а, следовательно, в той или иной форме, и к ликвидации междуусобной борьбы внутри рабочего класса России; а Италию большинство было склонно считать преходящим эпизодом, который будет преодолен общим развитием европейской демократии.

РСИ возник в Гамбурге из слияния реформистского Лондонского Интернационала и центристского Венского Об'единения в эпоху, когда социалистический «центризм» потерпел решительное поражение. Поражение это, проявившееся в Германии в капитуляции Независимой Соц. Партии перед германской Соц. Демократией, в Англии — в поглощении Независимой Раб. Партии Лейбор-партией, в ряде других стран — в сползании вправо некогда левых соц. партий, выявилось в международном масштабе в своем окончательном виде после знаменитой «Конференции трех Интернационалов» в 1922 году, когда основная ставка «центризма» — перспектива объединения всех ветвей рабочего движения путем установления мирного сотрудничества между большевизмом и социалдемократией, была бита, благодаря тактике Коминтерна, попавшего в рабскую зависимость от террористической большевистской диктатуры в России. Стабилизация пролетарского раскола во всем мире, связанная с увечковечением и все дальнейшим обострением диктаторского терроризма в Сов. России, означала историческое поражение идей «Вены». И в Гамбург представители венских партий пришли фактически уже не как морально равноправная сторона, а как побежденная: это еще за много месяцев

до Гамбурга было с большой силой и ясностью установлено в незабываемых статьях Ю. О. Мартова, одного из родоначальников «Вены».

Тем не менее, несмотря на понесенное поражение, Вена идеологически играла еще огромную роль в объединяющемся движении социалистического крыла мирового рабочего движения, противопоставлявшего себя мировому коммунизму. Реакция против бесславного конца Второго Интернационала в августе 1914 года и против узко-националистической тактики большинства соц. партий во время войны была еще так сильна среди рабочих масс Европы, даже тех, которые организационно шли за правыми соц. партиями, что новый устав РСИ, предложенный Веней и построенный на принципах пролетарского интернационализма, в частности в том толковании, какое ему придал Ю. О. Мартов, не встретил принципиальных возражений со стороны представителей Лондонского Интернационала, и был принят как в «комиссии десяти», так и на учредительном съезде в Гамбурге. В пункте первом этого устава указывается, что в РСИ входят «социалистические рабочие партии, ставящие себе целью замену капиталистического способа производства социалистическим, и которые видят в классовой борьбе политической и экономической путь к эмансипации рабочего класса». Пункт 3-й прокламирует примат интернационального над национальным, заявляя, что «РСИ лишь постольку является живой действительностью, поскольку его постановления в области международной являются обязательными для всех его частей». Наконец, пункт 4-й констатирует, что «РСИ является не только инструментом мирного времени, но и необходимым орудием в течение любой войны», причем в случае конфликтов между отдельными нациями, «социалистические партии этих наций признают для себя высшей инстанцией Интернационал».

Для всякого, кто знаком со внутренним развитием партий РСИ, нет ни малейшего сомнения, что уже к моменту гамбургского съезда было немало партий, которые в своей политике отнюдь не всегда придерживались принципов интернационализма в приведенной формулировке. Но престиж идей интернационализма был еще настолько силен в среде самых широких рабочих масс, что ни одна партия не осмелилась открыто выступить против цитированных пунктов устава.

Однако за истекшие годы рабочие партии Европы, в частности, как раз те, которые развивались в наиболее благоприятных условиях широкой и всесторонней демократии, проделали совершенно определенную эволюцию, на которую нам уже неоднократно приходилось указывать. Чем больше рабочие партии превращались из узко-пропагандистских групп, проповедывавших рабочим массам принципы абстрактного социализма, в огромные массовые организации, охватывавшие все более широкие слои рабочих, крестьянских и мелко-буржуазных масс, чем больше социалистическая организация превращалась в часть демократически организованного народа в подлинном смысле этого слова, охватывая 30, 40, а подчас и 50% всего взрослого населения страны, — тем больше рабочая партия вынуждена была отождествлять себя с нацией, и тем более «национальной» во всех смыслах этого слова должна была становиться партия пролетариата. Из партии малочисленной безнадёжной оппозиции, социалистические партии Европы в эту эпоху послевоенной стабилизации стали превращаться в партии «большинства наций», если не в арифметическом, то в морально-политическом смысле слова. И вотум народа, и объективное соотно-

шение сил в целом ряде стран превращали рабочие партии в носителей государственной власти, или же возлагали на них ответственность за судьбы страны и государства. Все больше создавалось и закреплялось положение, при котором социалистическая партия ни при каких условиях не могла себя противопоставить нации или хотя бы государству, несмотря на то, что государство это капиталистическое, а социалистическое движение основано на принципиальном отрицании и преодолении капиталистического режима. Если развитие национализма и интернационализма в рабочем движении пытаться представить согласно диалектической схеме, то можно было бы сказать, что если на заре рабочего движения социализм был построен на тезисе космополитизма, т. е. полного отрицания национального, то во время войны и в послевоенный период социализм воспринял антитезу с космополитизма — нацией и национализмом. Преодоление обеих антитез в высшем синтезе интернационализма был до сих пор достигнут в теории, но еще не на практике реальной политики рабочих партий, как политических массовых органов борьбы за власть в современном государстве. Скорее наоборот: на историческом пути к этому синтезу, вне которого немисливо ни существование подлинного интернационала, ни самое осуществление социализма, мы переживаем сейчас полосу необычайно усиления «антитезиса». (Это имеет место в другой форме и в мировом коммунизме, с той лишь разницей, что там решающим фактором являются не интересы демократических национальных государств, а национально-государственные потребности Советского Союза, которыми в коммунистической пропаганде подменяются интересы мирового революционного пролетариата).

Но рост демократического национализма в соц. рабочем движении налагает неизбежно печать и на практику РСИ. Что бы в уставе ни говорилось о принципиальном примате интернациональных интересов над национальными, фактически РСИ ни разу не смог и не попытался даже применить этот принцип к практическим задачам, которые стояли перед ним в различных странах. Не углубляясь в теоретические изыскания, РСИ эмпирически действовал не как «высшая и решающая инстанция» международного пролетариата, а как своего рода примирительная камера, старающаяся в каждом отдельном случае найти приемлемый для всех сторон компромисс, выявить тот «общий делитель», принятие которого всеми течениями практически ни в чем не стеснило бы реальную политическую работу ни одной партии.

Тем не менее, естественная наличность политических и идеологических расхождений между отдельными течениями и партиями не раз проявлялась в РСИ на конгрессах и в Исполкоме в форме борьбы течений, фракций, направлений. В Исполкоме время от времени происходили политические бои, принимались тактические решения, вызывавшие недовольство одной или другой стороны.

Но за последние годы, в особенности после 1933 года, политическое развитие Европы привело к тому, что из фронта демократических стран стали выбывать одна за другой все государства центральной, юго-восточной и южной Европы. Если на всем пространстве к востоку от русско-польской границы продолжает царить диктатура большевистская, то между Вислой и Рейном, между Балтийским и Северным морем на севере, Черным и Средиземным морями на юге, не осталось, за исключением Польши, ни одного государства, в кото-

ром было бы возможно открытое массовое рабочее движение. Список демократических стран все таял и таял, список социалистических партий, ушедших в подполье и представленных в Интернационале эмигрантскими группами, все удлинялся и удлинялся. Из сообщества массовых парламентских партий Интернационал стал все больше превращаться в смешанную организацию, в которой, наряду с 10 легальными партиями демократических или полу-демократических стран, заседали представители 18 нелегальных партий, по самому существу своего положения стоящих на точке зрения нелегальной революционной борьбы и внепарламентской деятельности. Из коллектива, в котором равноценные, а подчас и равносильные партии примыкали то к тому, то к другому крылу, РСИ превратился в орган, в котором все легальные парламентские массовые партии (за исключением Норвегии) оказываются на правом фланге, а все нелегальные эмигрантские (за исключением немцев СОПАДЕ и грузин) — на левом. Наличие такого водораздела, который отнюдь не является случайным, уже давно поставила перед РСИ вопрос об организационном модусе сожителства между этими двумя, столь различными группами стран и партий.

**
*

РСИ построен на демократических началах, причем относительная сила различных партий находит свое частичное выражение и в числе голосов на конгрессах и в количестве представителей в Исполкоме. Само собой разумеется, что строго пропорционального представительства тут не может быть, но тем не менее некоторое соотношение между размерами и влиянием партии и ее представительством в РСИ имелось. Совершенно ясно, что старые нормы представительства должны были перестать действовать с того момента, как многие партии ушли в подполье, и их представительство в РСИ стало осуществляться заграничными эмигрантскими группами. Уже в 1934 году была предпринята первая «ревизия» организованных норм в РСИ. 18 партий (немецкая, австрийская, итальянская, обе русские, латвийская, румынская и т. д.), имевшие до того вместе 121 голос на конгрессе РСИ, получили после пересмотра 1934 года всего 77 голосов. Но конгрессы РСИ происходят сравнительно редко, и его фактическая деятельность проявляется в работе Исполкома. Между тем изменение в представительствах на конгрессах почти не повлекло за собой перемены в распределении голосов в Исполкоме. Чем больше становилось в РСИ партий нелегально-эмигрантских, тем настоятельней выступал и вопрос о пересмотре представительства в Исполкоме. На последнем заседании Исполкома в Брюсселе, 14-15 мая, эта реформа была проведена с большой последовательностью: нелегальные партии, устраненные с легальной арены больше 17-18 лет тому назад, как партии Сов. Союза, венгерская, армянский «Дашнакцютюн» и др. получили лишь один голос на конгрессах РСИ и соответственно этому имеют в Исполкоме лишь совещательный голос*). Партии, нелегальное существование которых насчитывает меньше лет, или которые обладают большими организациями среди рабочих масс в эмиграции (как итальянская), получили по 2 голоса на конгрессе и входят в Исполком с решающим голосом, не входя, однако, больше в Бюро. Наконец, само Бюро, в котором, после уничтожения Австрии, Чехословакии и республиканской Испании, не менее 6 членов из 14 представляли нелегальные партии, преобразуется с таким расчетом, чтобы в нем были представле-

ны все имеющиеся еще в Европе страны с массовым легальным движением (Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Швеция, Дания, Норвегия, Швейцария, Польша и Финляндия, всего 10), и, помимо этого, в качестве представителей нелегального сектора РСИ — Германия и Испания*).

Нет сомнения, что в пользу реорганизации РСИ в указанном направлении говорит ряд серьезных доводов, и среди 18 партий, подвергшихся урезанию их голосов и представительства в органах РСИ, не нашлось ни одной, которая возражала бы против реорганизации. Все понимали, что не может быть в РСИ такого положения, при котором нелегальные партии, реально не имеющие сколько-нибудь серьезной возможности прямого воздействия на политику своих диктаторских правительств, смогли бы своими голосами заставить другие партии РСИ, имеющие благодаря своим массовым организациям огромное, в некоторых странах даже решающее влияние на политику своих государств, следовать тактике, которую они сами по своей собственной воле не вели бы. Нельзя себе представить такого положения, при котором Лейбор-Партия, Франц. Соц. Партия или какая-нибудь из скандинавских принуждена была бы голосами представителей германской, австрийской, итальянской, русской ил других нелегально-эмигрантских партий принуждена вести, напр. в вопросах войны или мира такую политику, которая идет в разрез с волей тех миллионов пролетариев, которые за этими массовыми партиями идут. Построенный на принципах рабочей демократии, РСИ не мог и в своей внутренней организации отказаться от того, чтобы решающий голос принадлежал тем секциям, за которыми стоят наибольшие массы, и на которых ложится наибольшая реальная ответственность.

Как уже было указано, представители всех без исключения нелегальных партий полностью присоединились к этому принципу. И тем не менее, нельзя отделаться от впечатления, что организационная реформа была проведена с чрезмерной решительностью, не оправдываемой деловыми соображениями. Общее число конгрессных голосов, которыми после последнего «пересмотра» располагают все нелегальные партии вместе взятые, равно 20 из 254, а число голосов в Исполкоме равно 4 (из общего числа 38). Если в нелегальных партиях принимать во внимание только уставное количество членов, или непрерывность определенных организационных норм (наличность съездов, правильно функционирующих партийных инстанций и т. п.), то указанная пропорция может показаться вполне справедливой. При тоталитарно-диктаторских режимах, все равно большевистского или фашистского типа, длительное существование сколько-нибудь правильно функционирующей массовой нелегальной организации немислимо. Но политическую работу нелегальных партий нового типа нельзя себе представлять в формах, в которых подпольная работа велась в свое время при реакционно-полицейских режимах старого времени. Ни в России Сталина, ни в Третьем Рейхе Гитлера невозможна нелегальная партия типа русской социалдемократии царского времени, или германской нелегальщи-

*) Почему именно эти две страны были избраны для представительства нелегального рабочего движения в РСИ трудно сообразить. Германская с.-д. была самой мощной из всех партий до перехода на нелегальное положение, не говоря уже о том, что ее деятельность прямее всего символизирует борьбу против гитлеровской диктатуры. Испания же — самая молодая и героическая из «нелегальных» стран. Известную роль при этом выборе сыграло, надо думать, и то обстоятельство, что герм. с.-д. является одной из самых ярких представительниц правого крыла РСИ, а испанская соц. партия за последние годы примыкала к крайней левой Соц. Интернационала.

*) Партии Сов. Союза — РСДРП, с.-р. и грузинская с.-д. партии имеют в общей сложности три голоса на конгрессах.

ны эпохи Бисмарка. Но если отрешиться от устаревших и анахронистических представлений прошедших времен и оценивать «политический потенциал» нелегальных партий стран тоталитарной диктатуры не по их уставно-организационным возможностям, а по их политической функции в мировом рабочем движении, то Интернационал не может закрыть глаза на то, что удельный вес нелегальных партий, представляющих собою будущее социализма в момент неизбежного, хотя и далекого еще, крушения тоталитарных режимов, никак не укладывается в те рамки, которые им отведены последними постановлениями РСИ.

**

И тут нельзя освободиться от мысли, что при принятии этих решений играли роль не только соображения организационного порядка, сами по себе совершенно справедливые, но и моменты политического характера.

Это становится особенно ясным, если вдуматься и в другие соображения, уже чисто - политического и принципиального характера, которые за последние месяцы все чаще и чаще высказывались в РСИ.

Как видно из приведенных выше пунктов устава, РСИ мыслился его основателями как некая высшая руководящая инстанция, как международная организация, стоящая над отдельными национальными секциями и могущая их в известных пределах направлять. Чем сильнее как раз в странах демократии становились «национальные» тенденции в рядах рабочего движения, чем сильнее в ряде стран стало сказываться и среди социалистов продиктованное опасностью войны стремление сохранить «нейтралитет» в предстоящей мировой схватке, — тем отчетливее стало проявляться и в РСИ отталкивание от идеи Интернационала, как высшего руководящего органа мирового рабочего движения, как целого. Стали создаваться теории о невозможности для РСИ продолжать свою деятельность в прежнем виде, о ненужности и бесполезности прямых призывов Интернационала к международным выступлениям и кампаниям, и о необходимости для него ограничить свою деятельность преимущественно взаимной информацией, в целях возможного согласования тех настроений, которые возникают в отдельных национальных секциях под влиянием условий каждой отдельной страны.

Не трудно видеть, что логическое продолжение этой линии должно привести к фактическому упразднению Интернационала в его традиционной форме и превра-

щению его в своего рода социалистическую Лигу Наций, где интернациональная пролетарская солидарность, признанная как обязательный классовый принцип, была бы подменена интернациональной «социалистической» дипломатией, играющей подсобную роль для дипломатии государственной.

«Ревизия» пролетарского Интернационала, проповедуемая сейчас некоторыми элементами РСИ, не додумалась еще до своих окончательных выводов, или может быть не решилась их еще высказать. Но не надо закрывать глаза на то, что в той дискуссии, которая, надо надеяться, развернется в социалистической печати, на обсуждение поставлен фактически не вопрос о реорганизации или реформе Интернационала, а вопрос о самом его существовании. Ибо интернациональное социалистическое телеграфное или информационное агентство не Интернационал.

Проблема эта в особенности жгуча сейчас, в той обстановке предвоенной тревоги, которую мир сейчас переживает. Рабочим партиям всего мира повелительно навязывается, хотя ли они этого или нет, осознают ли они это или нет, далеко идущее сотрудничество с силами непролетарскими, национально-государственными, буржуазными, в той титанической борьбе, которую миру приходится выдерживать против наступления блока тоталитарно-фашистских диктатур. Если войны удастся избежать, это произойдет только в том случае, если не-фашистские государства успеют создать, и именно на основе указанного сотрудничества, «железную преграду» на пути агрессоров. Если война все же разразится, то победить в ней можно будет опять только путем того же коалирования организованного рабочего класса с не-пролетарскими силами. И в том и другом случае чрезвычайно велика будет опасность обезличения пролетариата, растворения социализма в обще-национальном, государственном. Пройти победоносно через все эти политические и идеологические опасности, спасти лицо и будущность социализма можно будет только в том случае, если не только в национальном, но и в международном масштабе будет сохранена основная сущность пролетарского движения. Но без живого и действующего Интернационала это невозможно. И поэтому предлагаемая «реформа» РСИ на самом деле имеет гораздо более глубокое значение для судеб рабочего класса, чем это может показаться на первый взгляд.

В Рабочем Социалистич. Интернационале

СЕССИЯ ИСПОЛКОМА РСИ.

Исполком РСИ заседал 14-15 мая в Брюсселе под председательством Де-Брукера. В заседаниях участвовали: А. Де-Блок, Г. Де-Ман, К. Гюисманс (Бельгия), Г. Гедтофт-Ганзен, Г. Якобсен (Дания), Р. Гильфердинг, Г. Фогель (Германия), С. Грумбах, Ж. Жиромский (Франция), К. Гварджаладзе (Грузия), Г. Далтон, В. Гиллис, Дж. Уокер (Великобритания), И. В. Албарда, К. Форринк (Голландия), П. Ненни (Италия), Ф. Му, М. Транмэль (Норвегия), Г. Рихтер (Австрия), Ф. Курский (польский Бунд), Р. Абрамович (РСДРП), А. Фогт (Швеция), Е. Пауль (немец Чехословакии), З. Ронай (Венгрия, Виллагошаг), Ж. Фан Роосбрэк (кассир), Ф. Адлер (секретарь), А. Пельс (Международный Женский Комитет), Э. Олленауэр (Интернационал Молодежи).

Заседания начались с почтения памяти внезапно скончавшегося председателя Социалистического Педагогического Интернационала, Курта Лэвенштейна.

Организационные вопросы.

Главным предметом занятий Исполкома были организационные вопросы Интернационала.

Подробному обсуждению были подвергнуты вопросы, касающиеся пересмотра прав и обязанностей партий стран без

демократии. Исполкому был представлен обширный доклад комиссией, избранной год тому назад для изучения этих вопросов. Доклад этот предлагал подвергнуть дальнейшему сильному сокращению предоставленное партиям этих стран право голоса. Из 41 партий, насчитываемых Интернационалом, впредь 19 будут располагать лишь одним конгрессовым голосом каждая, т. е., согласно уставу, будут иметь в Исполкоме лишь совещательный голос. Из общей суммы в 254 конгрессовых голоса 197 приходится на партии демократических стран, 20 на страны без демократии, вопрос же об остальных 37 должен еще будет быть рассмотрен позднее. Из 38 членов Исполкома 28 являются представителями демократических стран. После тщательного обсуждения предложения комиссии были приняты единогласно.

Перевыборы Бюро РСИ.

Особо пришлось решать вопрос о составе Бюро РСИ. Было внесено предложение составлять впредь Бюро исключительно из представителей стран, в которых существует демократия. В результате многочасовых прений пришли к соглашению установить в Бюро приблизительно такое числовое соотношение, которое было до подъяема фашистской волны, начавшегося с победы Гитлера. В силу этого Бюро будет впредь состоять из 10 представителей демократических

стран и двух представителей стран без демократии. При произведенных Исполкомом перевыборах Бюро было избрано по одному представителю следующих стран: Бельгия, Дания, Германия, Финляндия, Франция, Великобритания, Голландия, Норвегия, Польша, Швеция, Швейцария и Испания.

Перевыборы должностных лиц Интернационала.

Должностные лица комиссии и Бюро РСИ переизбираются Исполкомом РСИ после каждого очередного конгресса, а при несозыве его — по истечении трехлетнего периода деятельности. Согласно этому обыкновению Бюро РСИ решило на своей январьской сессии поставить эти выборы в порядок дня ближайшего Исполкома.

Председатель РСИ, Луи Де-Брукэр уже несколько времени тому назад довел до сведения Исполкома РСИ, что, в виду исполняющегося ему 31 мая семидесятилетия, он желает покинуть свой пост, чтобы иметь возможность отдалиться давно задуманной теоретической работе. После того, как все попытки склонить Де-Брукэра к изменению его решения остались безуспешными, он сам внес, согласно с имеющимися высказываниями партий, предложение избрать председателем И. В. Албарду (Голландия), и предложение это было единогласно принято. Албарда высказал уходящему председателю благодарность всего Интернационала, к которой присоединились Грумбах от имени французской Социалистической Партии и Гиллис от имени Британской Рабочей Партии.

В циркуляре, разосланном в январе и приглашавшем аффилированные партии вносить предложения для перевыборов, секретарь РСИ, Ф. Адлер, ссылаясь на высказанное Де-Брукэром намерение покинуть свой пост, просил «обсудить самым серьезным образом, оставляя в стороне все личные соображения, не является ли желательным и целесообразным сменить и личность секретаря». Тот же самый циркуляр сообщал, что кассир Фан Роосбрэк, в полном согласии с постановкой вопроса, данной Адлером, желал бы, чтобы обсуждению был подвергнут и вопрос о новом замещении по-

ста кассира. Со стороны партий поступили лишь предложения о перевыборе секретаря и кассира, никаких новых кандидатов названо не было. Несмотря на это, Адлер считал себя обязанным сообщить Исполкому, что он готов во всякое время предоставить свой пост в его распоряжение, если Исполком найдет, что известные расхождения в политических взглядах, обострившиеся в ходе событий последних лет, делают более целесообразным занятие секретарского поста другим лицом. Обсуждение этого вопроса и принятие окончательного решения перенесено на следующее заседание Исполкома. До того же заседания отсрочены и все другие очередные выборы.

К положению в Испании.

В ходе общих прений подверглось, в частности, обсуждению и положение в Испании. По этому вопросу был представлен Социалистической Партией Испании обширный меморандум, подписанный председателем ее Рамоном Гонзалесом Пена и секретарем Рамоном Ламонедом, и поступила телеграмма Мануэля Кордеро, обращающая внимание Исполкома РСИ на введенный Франко режим террора. Была принята следующая резолюция:

«Жестокый гнет, тяготеющий над Испанией, вменяет Исполкому в обязанность поднять самый решительный протест и сделать все, чтобы добиться для испанских республиканцев тех гарантий гуманности и справедливости, которых они имеют право требовать. Партии РСИ будут считать своим долгом продолжать кампанию солидарности, попрежнему необходимой, чтобы облегчить участь героических жертв международного фашизма».

Следующее заседание Исполкома назначено на 18-19 июня.

Заседание Бюро РСИ.

Заседаниям Исполкома предшествовало 13 мая заседание Бюро РСИ, в котором участвовали названные выше члены Бюро от Бельгии, Дании, Германии, Великобритании, Голландии, Швеции, РСДРП и от Франции Леон Блюм.

Заграницей

АМЕРИКАНСКИЙ ЗАКОН О НЕЙТРАЛИТЕТЕ.

События мировой политики и формальные соображения побудили поставить закон о нейтралитете на обсуждение американского конгресса. В мае истекает срок действия одного из важнейших постановлений ныне действующего закона, согласно которому военное сырье может продаваться воюющим странам лишь при условии, что оно оплачивается наличными и вывозится на не-американских судах. Результаты существующего законодательства считаются мало удовлетворительными. В ходе китайско-японского конфликта президенту пришлось обойти действующее постановление таким образом, что он игнорировал фактически существующее военное положение, чтобы не лишить Китай возможности получать вооружение на американском рынке. Неприятным побочным следствием такого образа действий явилась возможность и для Японии снабжаться в Соединенных Штатах. В испанской войне С. Ш. приняла участие в проведении политики так наз. невмешательства. Ни Франция, ни Англия не могут быть сейчас вполне уверены, удастся ли им в случае войны получать экономическую помощь из Америки, и эта неуверенность льет воду на мельницу фашистских держав. Ни одного из этих результатов американский народ не хотел. Так не следует ли изменить закон?

Сенат начал с обычного заслушивания экспертов. Бывший министр Стимсон, член Республиканской Партии, произнес пламенную речь в защиту внешней политики, которая поддерживала бы демократические державы в их оборонительной борьбе против фашизма. Напротив, банкир Барух, бывший во время мировой войны руководителем ведомства военного снабжения, с такою-же категоричностью возражал против допущения какого-либо различия в отношении к обеим воюющим сторонам, утверждая, что экономические санкции должны вести неизбежно к войне. Новые эксперты будут заслушаны в течение ближайших недель. Но Стимсон и Барух показательны для существующих разногласий во всей стране.

Внесенные в сенат предложения можно разделить на три группы. Одна требует на случай войны прекращать всяких торговых сношений со всеми воюющими без исключения. Другая хочет подчинить торговлю как оружием, так и сырьем ныне существующей «Cash and Carry Clause», т. е. допустить эту торговлю лишь с теми странами, которые могут платить наличными и вывозить собственным транспортом,

Наконец, третья группа хочет отменить существующий закон и отказаться от всякой законодательной регуляции вообще, развязав президенту руки в ведении внешней политики. Первую группу руководят изоляционисты, главными ораторами которой в Сенате являются сенаторы Джонсон (Калифорния), Райнгольдс (Северная Каролина) и Бора (Айдахо). Третья группа стоит безусловно за коллективную безопасность, ее представителем является Утахский сенатор Томас. Руководителем второй группы, желающей своего рода среднего решения, является сенатор Питтман, председатель сенатской комиссии по иностранным делам.

Между этими тремя группами предложений Сенату придется выбирать. Считается невероятным, чтобы Сенат отказался от всякого законодательного регулирования вообще. Наиболее вероятным считается принятие предложения Питтмана, которое означает, что в случае войны вывоз оружия и военных материалов всякого рода, а также военного сырья, будет запрещен в страны, которые президент, по соглашению с конгрессом, объявит зачинщиками войны, но что в то же время все другие участники войны смогут свободно экспортировать все это, поскольку они будут в состоянии расплачиваться наличными и транспортировать собственными средствами.

Прения по закону о нейтралитете ведутся с большой страстностью, но со столь-же большою бестолковостью. Изоляционисты заявляют, что Соединенным Штатам, отделенным от других континентов океанами, не грозит никакая опасность, что бы в мире ни происходило. Если бы даже тройственный союз Берлин-Рим-Токио утвердил свое господство над четырьмя частями света, С. Ш., огражденные водными барьерами, могли бы спокойно продолжать свое демократическое развитие. С другой стороны указывают, что Латинская Америка представляет благоприятную почву для интриг фашистов и национал-социалистов, что Германия и Италия уже и сейчас деятельно работают над созданием полуправильной организации в самих С. Ш., которая в дальнейшем может причинить им немало хлопот, и что, наконец, речь идет об экономических интересах, которые сильно пострадали бы в случае торжества фашистских методов хозяйства во всем мире.

Изоляционисты полагают, что самая лучшая помощь, какую Америка может оказать борющимся демократиям, заключается в дальнейшем развитии своих собственных демократических учреждений. Если С. Ш. сумеют развернуть хорошо

функционирующую демократию, способную побороть безработицу и социальные несправедливости, то они, говорят изоляционисты, сделают для спасения демократии во всем мире больше, чем если вступят в войну и при этом сами подпадут под власть военной диктатуры. На другой стороне отвечают, что речь идет вовсе не о посылке американских солдат в Европу, а об экономической и моральной поддержке миролюбивых демократий в их борьбе за существование против мирового фашистского блока.

Общественное мнение проделало за последние месяцы знаменательную эволюцию. Здесь существует научный Институт для выяснения общественного мнения, публикации которого пользуются большим авторитетом, особенно с тех пор как Институт, в разрез с подавляющим большинством печати, предсказал в 1936 году переизбрание Рузвельта и даже заранее верно определил большинство, которое он получит. Институт этот сообщает, что до Мюнхена лишь 34% населения стояло за поставки Англии и Франции оружия на случай войны и 57% за продажу им продовольствия. Теперь же 66% американцев стоят за поставку оружия и 82% за перевоз продовольствия. Аннексия Чехословакии и Мемеля в сильнейшей степени взволновала общественное мнение. С другой стороны, за вооруженное вмешательство в конфликт стоит лишь 16% американцев, — правда, все же в три раза больше, чем до Мюнхена. Замечательно, что в этом вопросе нет сколько-нибудь заметного расхождения между обеими большими партиями; процентные соотношения у демократов и республиканцев почти одинаковы. За Германию высказывается ровно 1% населения; так сильны анти-фашистские идеи в этой стране!

Из рабочих организаций лишь немногие заняли в этом вопросе определенную позицию. Социалисты под руководством Нормана Томаса принадлежат к застрельщикам изоляционизма, отколовшаяся же от них «Социалдемократическая Федерация» в огромном большинстве своем стоит за коллективную безопасность. Коммунисты являются глашатаями этой же идеи. Разногласия по вопросу о военной политике являются в настоящий момент камнем преткновения в переговорах между социалистами и социалдемократами о восстановлении единства.

Профессиональные союзы в общем избегают занимать позицию в вопросах внешней политики. Лично Вильям Грин, председатель примыкающей к МФПС «Американской Федерации Труда», является вождем «Американского Союза Объединенной Борьбы за Мир», американской секции Международной Лиги Мира, старающейся популяризовать идеи коллективной безопасности. Мэттью Уолл, вице-президент «Американской Федерации Труда», занят основанием организации, объявляющей борьбу всем диктатурам, фашистским и большевистской одинаково. Джон Л. Льюис, глава «Конгресса Индустриальных Организаций», высказывается очень сдержанно, так как в его профсоюзах имеются и пламенные сторонники, и противники коллективной безопасности. Однако, первые находятся, повидимому, в большинстве.

В какую сторону направлены усилия самого президента, ясно всем. Президент Рузвельт, питающий жгучую ненависть к фашистским диктатурам, хочет поставить все экономические и моральные силы этой могучей страны на службу борьбе против фашизма. Его большое влияние будет, несомненно, толкать С. Ш. к вхождению в мировой фронт против фашистских агрессоров. Как ни сильны здесь традиционные изоляционистские настроения, можно с полным правом предположить, что новый закон о нейтралитете даст возможность определеннее, чем до сих пор, помогать жертвам всякого нападения.

А. Ш.

Вашингтон, середина апреля (I. I.).

СЪЕЗД ШВЕЙЦАРСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

22-23 апреля состоялся в Лозанне, под председательством Ганса Опрехта, Марэ и Поля Перрэнэ, съезд швейцарской партии, в котором принимали участие 283 делегата местных организаций, 50 членов ЦК партии и 16 членов парламентской фракции и общесоюзного суда.

До перехода к порядку дня была единогласно принята предложенная Николем (Женева) резолюция приветствия последнему посланию Рузвельта. Резолюция выражает сожаление, что швейцарское правительство не оказалось в числе тех, кто высказал президенту С. Ш. одобрение и готовность содействовать «изгнанию методов насилия, правонарушений и войны из межгосударственных отношений».

В результате прений по отчету о деятельности партии была принята следующая резолюция: «ЦК-у поручается незамедлительно выяснить вопрос, насколько усиление сотрудничества с младо-крестьянской и другими подобными организациями может содействовать более успешному отстаиванию совпадающих в большинстве случаев интересов рабочих и мелкого крестьянства».

Предложение одной из Цюрихских секций об отмене существующих ограничений для вступления бывших коммунистов в партию, в интересах содействия ликвидации коммунистической партии в Швейцарии, было отклонено 154 голосами против 59 после заявления партийных секретарей Штокера и Пьера Грабера о необходимости сохранить пока существующие предохранительные меры.

По пункту порядка дня о борьбе с безработицей и обороной страны съезду пришлось наметить позицию во всенародном голосовании по соответствующему законопроекту правительства. Докладчик Шнейдер (Базель) указал, что правительственный законопроект означает полный успех социал-демократической инициативы по расширению возможностей приложения труда. В то время как с.д. проект требовал ассигнования на эту цель 300 миллионов франков, правительственный проект имеет в виду ассигнование 450 миллионов. Хотя правительственный проект имеет недостатки и дожится бременем на потребителей, все же, в виду наличия 60.000 безработных, значительное большинство ЦК полагает, что с.д. партия должна высказаться за проект. После кратких прений была принята обширная резолюция, в которой, между прочим, говорится:

«Съезд констатирует, что с самого начала нынешнего хозяйственного кризиса С. П. Ш. требовала широкого и систематического создания новых возможностей приложения труда и боролась за это требование, как за наилучший способ обеспечения обороны страны. С.д. инициатива в пользу такой общегосударственной рабочей программы собрала почти 300.000 подписей и превратилась таким образом во внушительную манифестацию народной воли.

«Декларация Союзного Совета (правительства) об усилении обороны страны и о борьбе с безработицей от 7 июня 1938 года является успехом этой манифестации и тем самым успехом С. П. Ш. Этого успеха удалось добиться против желания Союзного Совета, Совета Сословий и парламентской комиссии, которые отклонили проект о создании возможностей работы без всякого контр-проекта. Воля к решительной и планомерной борьбе против безработицы и тем самым против основного источника анти-демократических течений одержала верх!

«Первоначальный проект Союзного Совета не во всех своих частях удовлетворителен... Но, несмотря на недостатки проекта, съезд заявляет о своей твердой решимости содействовать его принятию, как выражению борьбы против безработицы, за независимость страны и за демократию! Он призывает избирателей класть в урны бюллетень — да!»

В другой резолюции съезд призывает «поддержать инициативу в пользу усиления обороны страны, особенно ее воздушного вооружения, на основе возложения материальных жертв на состояние и усиления настоятельно необходимой защиты нашей страны от воздушной войны».

Еще с середины декабря ЦК начал кампанию за прямые выборы народом швейцарского общегосударственного правительства (Союзного Совета), избираемого по нынешней конституции парламентом. Буржуазное большинство парламента до сих пор не допускало в правительство представителей социалдемократии, самой сильной партии в стране. Рабочий-же класс, как заметил в обоснование партийной инициативы Мейерганс (Цюрих), считает представительство в правительстве своим правом и апеллирует против парламента к народу. Именно в переживаемое время острого международного напряжения Швейцария нуждается в правительстве, пользующемся доверием всего народа. Нынешнее правительство, первым из всех демократических государств признавшее правительство мятежников в Испании и как раз теперь, когда демократические державы стараются вовлечь Россию во фронт мира, недавно вновь отказавшееся признать Советский Союз, действует несогласно с волей народа. Выбор правительства народом, заметил Мейерганс, оправдал себя в кантонах; он оправдал себя и в Союзе. Резолюция, одобряющая предложенную ЦК-ом инициативу, была принята без прений.

Оба партийные секретаря, Штокер и Грабер, прочли обширные доклады о «политическом положении и задачах партии». Говоря о внешней политике, Штокер, между прочим, сказал:

«Мы не можем требовать коллективной безопасности, которую делает невозможной политика великих держав. Но мы не можем примириться и с политикой безвольных уступок, доходящей до того, что в самой стране начинается, шаг за шагом, попирается свобода. Идеальные компромиссы неуместны. Нужна сильная демократическая армия. Никто не сможет сказать, что решения, принятые партией в этом смысле с 1935 года, были неправильны. Но воинов нужно ограждать от экономического урона, и надо дать возможность выдвижения всем способным, чтобы демократизировать армию. Не следует также относиться свысока и к требованию очистки армии от анти-демократических элементов».

В итоге продолжительных прений съезд принял единоглас-

но **платформу**, которая будет опубликована после редакционной обработки. В духе этой платформы съезд решил обратиться ко всем рабочим и крестьянам и ко всему свободолюбивому швейцарскому народу с призывом всеми силами содействовать формированию единой нации, готовой до последних пределов защищать независимость страны и социальным строительством и борьбой против кризиса содействовать укреплению воли к этой защите.

Местопребыванием секретариата партии оставлен Цюрих. Председатель партии Опрехт, члены административной комиссии, партийные секретари Штокер и Пьер Грабер и кассир партии Галлен были переизбраны. Точно так же были переизбраны представитель партии в Исполкоме РСИ, Роберт Гримм, и заместитель его, Поль Грабер.

СЪЕЗД ГОЛЛАНДСКОЙ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ.

8-9 апреля состоялся в Гааге годичный съезд Социалдемократической Рабочей партии Голландии, на который 326 местных организаций прислали 372 делегата и который был открыт речью председателя партии, Коос Форринка.

Согласно годовому отчету секретаря число членов партии, достигавшее к 31 декабря 1937 г. 88.897, упало к 31 декабря 1938 г. до 82.145. Падение это объясняется главным образом плохими экономическими условиями, вызывающими наличие в Голландии почти 400.000 безработных, и кроме того отколом меньшинства в Фрисландии.

По обыкновению отчеты секретаря и кассира съезд обсуждал совместно с отчетами парламентской фракции, представителя партии в Исполкоме РСИ и партийной печати. По этому пункту порядка дня выступало свыше двадцати ораторов, на вопросы которых отвечали члены ЦК, председатель парламентской фракции и главный редактор Центрального Органа. Прения подтвердили наличие глубокого единодушия в партии и показали, что она с величайшей решимостью и величайшим спокойствием идет навстречу всем трудностям и опасностям, вытекающим из угрожаемого положения, в котором находится ныне Голландия. Многие ораторы высказывали убеждение, что ослабление коллективной безопасности, сопровождающее принятую Голландией и другими малыми государствами северо-западной Европы политику так наз. нейтралитета, опасно для интересов мира, и, повидимому, съезд единодушно склонился к этому же убеждению.

Отдельные ораторы говорили о прекращении теоретического ежемесячника партии «Социалистиче Гиде» («Социалистический Руководитель»), замененного с 1 января 1939 года новым журналом «Социализме ен Демократи» («Социализм и Демократия»). Дирекции старого ежемесячника и, в особенности, его главному редактору, профессору Бонгеру, со всех сторон высказывалась признательность и сердечная благодарность за ту значительную научную работу, которую выполнял Бонгер, редактируя журнал в течение 23 лет. Новый орган возбуждает, повидимому, большой интерес. Число абонентов достигло уже почти 4.000 и на много превышает цифру, когда-либо достигнутую в Голландии ежемесячником какого-бы то ни было направления.

Разногласия вызвало предложение ЦК собирать отныне съезды не ежегодно, а раз в два года. В конце концов было решено поручить обсуждение этого вопроса особой комиссии и партийному Совету, с тем чтобы в 1940 году съезда не созывать, если эти инстанции не признают его необходимым.

Оживленные прения вызвало предложение нескольких крупных организаций о том, чтобы, в случае наступления критической международной ситуации, ЦК созвал Совет партии, который и должен наметить позицию партии и формулировать ее лозунги. Предложения эти были взяты обратно, после того как Албарда, от имени ЦК, указал, что, если положение станет действительно критическим, созыв Совета будет практически невозможным: расстройство транспорта вследствие мобилизации и, быть может, угрозы скорого нашествия вражеских войск, сделало бы невозможным съезд членов Совета, не говоря уже об их возвращении домой, между тем как именно в такое время они должны быть на своих постах. Поэтому от имени ЦК Албарда требовал от съезда доверия, что, как бы трудны ни были обстоятельства, ЦК приложит все усилия, чтобы сделать все, чего требуют интересы народа и движения. Апплодисментами съезд это доверие подтвердил. Председателем партии переизбран Коос Форринк.

Из старых членов ЦК не выставили вновь своих кандидатур В. Баннинг и Г. Флинген, этот ветеран голландского рабочего движения, бывший в 1894 году одним из основателей Социалдемократической Рабочей Партии Голландии и служивший партии на постах ее председателя, редактора ЦО, члена второй и первой палат, муниципального советника, присяжного заседателя и сверх того историка партии. На речь председателя, отметившего заслуги его, Флинген, сохранявший, несмотря на приближающееся 70-летие, полноту сил и

бодрость, ответил со своей стороны речью, произведшею на съезд сильнейшее впечатление.

Съезд закончился большой речью Албарды, председателя парламентской фракции. Крупными чертами обрисовал он международные события последнего времени и то в высшей степени опасное положение, в котором очутилась ныне Европа. Он указал, что не только внешние опасности, но и кое-какие факторы внутреннего порядка угрожают свободе голландского народа. Нищета, порожденная кризисом, создает благоприятную почву для экстремизма, подстерегающего демократию. Поэтому экономическая политика, существенно сокращающая безработицу, является такою-же настоятельно необходимостью, как и бдительность в мерах самозащиты. Он закончил свою речь пламенным призывом ко всем социалдемократам — посреди бурь и непогод, угрожающих народу, мужественно и с верою продолжать неустанную борьбу за свободу и идеалы демократии.

В пасхальное воскресенье (9 апреля) состоялась в Гааге большая демонстрация, организованная Социалдемократической Рабочей Партией и Голландским Союзом Профсоюзных Союзов.

С утра сто экстренных поездов и сотни автобусов свезли в Гаагу со всех концов страны десятки тысяч манифестантов. К моменту открытия демонстрации, в полдень на громадном поле, украшенном знаменами и плакатами, собралось не менее ста тысяч рабочих и работниц. Лозунгом манифестации было: «Больше работы и больше благосостояния!». Речи произнесли председатель партии Форринк и председатель СПС Кийперс.

С места собрания демонстранты двумя большими колоннами направлись в различные пункты города. С тысячами знамен и десятками оркестров они в течение нескольких часов маршировали в полном порядке, демонстрируя и блестящую организацию голландского рабочего движения, и твердую решимость мужчин и женщин бороться со всеми трудностями, стоящими на их пути.

Вечером десятки тысяч демонстрантов возвращались по домам с еще большим подъемом сил и настроения. Не прошло и нескольких часов, как многие из них получили приказ немедленно стать под знамена для охраны границы. Они повиновались этому приказу, сознавая отчетливее, чем когда-либо, все значение того, что ставится ныне на карту.

ПАМЯТНИК ОТТО БАУЭРУ.

30 апреля на парижском кладбище «Пэр Лашэз» был открыт на могиле Отто Бауэра скромный памятник с надписью: «Отто Бауэр, 5 сентября 1881—4 июля 1938». К открытию собрались у могилы, вместе с Парижской группой австрийских социалистов и вдовой покойного Елены Бауэр, многочисленные друзья его из различных партий Интернационала.

Из членов Исполкома РСИ явились Леон Блюм и С. Грумбах (Франция), Р. Гильфердинг (Германия), Модильяни (Италия), М. Кордеро (Испания), Р. Абрамович и Ф. Дан (РСДРП) и секретарь РСИ, Ф. Адлер. Интернационал молодежи был представлен Э. Олленауэром. Манифестация открылась песней австрийских рабочих «Рабочие Вены», после чего Ф. Адлером, Ф. Даном, Браком и Джузеппе Сарагатом были произнесены речи. Один из австрийских товарищей прочел стихотворение И. Лутитольда, посвященное серебряной чаше с венской землей, которую рабочие венского округа Флорисдорф с большими усилиями и опасностями доставили в Париж, чтобы смешать эту землю с парижской землей, в которой — недалеко от Стены Коммунаров — покоится прах Отто Бауэра.

Скромная, но полная глубокого настроения и волнующая церемония закончилась пением «Песни Труда» и «Интернационала».

Речь Ф. Дана.

С вновь обостренной болью о невозвратимой утрате, понесенной 10 месяцев тому назад, стоим мы сегодня у могилы Отто Бауэра. Но и с возвышающим сознанием, что эта могила, в которой покоится прах нашего незабвенного друга, вождя и учителя, — поистине великая могила!

Ибо истинно велика не та могила, в которую лишь упирается конец великого прошлого, но та, от которой ведут и в будущее новые и великие исторические пути; не та, в которой великий усопший находит последнее завершение своего земного труда и в которую он погружается, чтобы навсегда расстаться со всем земным и навсегда замолкнуть, но та, из глубины которой голос почившего продолжает доноситься до живущих, чтобы будить их и указывать им новые пути освобождения; не та, в которой великий борец обретает заслуженный столь многими трудами, страданиями и жертвами вечный покой, но та, из ледяного холода которой до нас по-прежнему доносится бурное биение его горячего сердца, делающее его и в самой смерти страстным, не знающим ни по-

коя, ни усталости участником наших тревог и наших трудов, наших идейных борений и наших битв.

В этом смысле могила Отто Бауэра — поистине великая могила! Над каменным памятником, который мы сегодня открываем, высится другой, бесплотный, но куда более величественный и прочный духовный памятник, который Отто Бауэр сам себе воздвиг своим жизненным подвигом и своими произведениями. Как маяк, гордо вздымающийся над бушующим океаном жизни, еще долго будет этот памятник бросать свои яркие лучи во все, самые отдаленные уголки мира, всюду, где страдающее, нуждающееся, эксплуатируемое и угнетаемое человечество борется за свою свободу и за свое человеческое достоинство, за свое благосостояние и за свое социалистическое освобождение, и светом своим указывать ему нужное направление.

В своем посмертном труде о нелегальных партиях Бауэр сам сгустил свой жизненный подвиг в такой памятник грандиозного величия, красоты и действенной силы. Ибо содержание и смысл этой книги гораздо обширнее и значительнее, чем можно судить по заглавию.

Со страниц этого посмертного труда встает перед нами, прежде всего, духовный облик самого автора, идейная и моральная фигура которого выступает тем величественнее и внушительнее, что сам он, вряд ли сознавая собственное величие, с величайшей скромностью подвергает беспощадной критике свои собственные идеи и свою собственную деятельность, всегда готовый отодвинуть свою личность на задний план перед делом и поставить целиком на службу делу — в таком кричащем противоречии с современными кумирами, превращающими и самое святое дело в орудие утверждения и увековечения своего тоталитарного богоподобия!

В этом посмертном труде Бауэр разворачивает перед нами глубокое понимание исторического значения нашей эпохи, как эпохи надвигающейся решительной тяжбы между погрязшими в фашистское варварство миром капитализма и миром поднимающегося социализма, — как эпохи, в которой эта тяжба должна стать путеводной звездой всей борьбы рабочего класса. В годину тягчайших поражений пролетарского социализма эта книга звучит как Песнь Песней его грядущих побед!

В этом посмертном труде Отто Бауэр начертал свое историческое завещание. Это завещание зовет нас, людей старших поколений, к преодолению всех формул, догматов, политических представлений и тактических методов, рожденных в свое время из условий и потребностей ушедшей ныне в прошлое эпохи, но грозящих стать в новых условиях идейными шорами для нашей мысли, тесными оковами для нашего социалистического действия. Оно зовет в то-же время молодых, указывая им очертания тех новых путей, по которым они должны отныне самостоятельно идти и вести пролетарские массы к социалистической победе, не отбрасывая высокомерно очищенное таким образом драгоценное наследие прошлой эпохи, а, напротив, овладеть им, не порывать с ценными пролетарскими силами, воспитанными и накопленными в эту эпоху, а прикннуть новое движение к старому, чтобы все сокровища старой эпохи поставить на службу все той-же борьбе в новых условиях. Завещание Бауэра зовет, наконец, нас всех всегда и всюду и, прежде всего, в движении трудящихся масс, в нашей собственной организации и в нашей будущей революции хранить демократию, не в ее преходящих формах, а в ее непреходящей сущности, как принцип свободного самоопределения и свободного самоуправления людей, и видеть в ней единственное средство для собирания всех энергий рабочего класса вокруг социалистического знамени и всех трудящихся масс вокруг их пролетарского авангарда, единственный способ предотвратить восхождение новых насильников и эксплуататоров на место низвергнутых кумиров.

По России

ПЕРЕД ТРЕТЬЕЙ СЕССИЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.

6-го мая советские газеты неожиданно напомнили о полупокорнике: на 25-е мая — после девятимесячных парламентских каникул — созывается Верховный Совет СССР. Чем будет предложено заняться советскому парламенту, пока держится в тайне — не только от «суверенного народа», но и от его избранных. В ожидании открытия 3-ей сессии ВС им предоставляется предаться горестным размышлениям о том, чем должен был быть и чем стал «самый демократический в мире парламент».

Как величайшую честь и величайшее счастье ощущаю я, что мне было суждено свыше двух десятилетий пользоваться сердечной дружбой и непрерывным — и сколь оплодотворяющим! — идейным общением с Отто Бауэром, более того — работать совместно с ним не только на организационном и политическом, но и на идейном поприще. В качестве русского социалдемократа я, как известно, не всегда был согласен с отношением Бауэра к проблемам Советского Союза, или говоря точнее, мы не всегда были согласны в том, какие именно стороны этих проблем приобретают в данное время особо актуальное значение и потому должны особо настойчиво трактоваться в интересах и русского, и международного рабочего движения. Мне незачем говорить, что такие расхождения во мнениях никогда не могли бросить ни малейшей тени на нашу тесную дружбу. Но они никогда не могли нанести ни малейшего ущерба и нашему общему ощущению полнейшего единомыслия во всех основных вопросах социалистического движения, как и в основных вопросах Советского Союза, в котором мы оба видели великие революционные и социалистические возможности. Отто Бауэр был для меня не только теснейшим другом, но и теснейшим единомышленником. Вот почему и его преждевременную смерть я ощутил так, как будто умерла часть моего собственного существа.

Пусть же тихо покоятся смертные останки великого борца и мыслителя в этой земле, освященной кровью пролетарских борцов Коммуны! Но пусть громко зовет к живым из этой тихой могилы его бессмертный дух, указывая пути к конечной победе поколениям, призванным завершить дело, которому так мужественно, так самоотверженно и так плодотворно служил Отто Бауэр всю свою жизнь!

Курт Левенштейн

В ночь на 10-е мая внезапно скончался в Париже от разрыва сердца на 54-ом году жизни председатель интернационала учителей и председатель международного бюро социалистических детских организаций («Красных Соколов»), один из самых привлекательных представителей немецкой социалистической эмиграции Курт Левенштейн. Талантливый педагог-социалист, для которого социализм был не только вопросом политических убеждений, но и основной личной морали и правилом поведения в повседневном быту, Левенштейн был организатором движения «Красных Соколов» в Германии, и в значительной степени благодаря его усилиям движение «Красных Соколов» приобрело и международный характер. Он был ярким поборником социалистических педагогических идей и в литературе, и в практической педагогической работе в качестве заведующего школьным делом в берлинском рабочем предместье Нейкельн, и на трибуне рейхстага, в котором Левенштейн представлял социалистический Берлин. Все свои прекрасные качества Левенштейн проявил и в эмиграции, где ему удалось в короткий срок поднять на значительную высоту движение «Красных Соколов» во Франции и возродить к новой жизни международное бюро социалистических детских организаций, которому разгром германского движения, казалось, нанес непоправимый удар.

Ничто, казалось, не предвещало близкой смерти этого неутомимого, сохранявшего всегда спокойную бодрость борца и работника. Тем острее почувствовали утрату все, кто ближе знал Левенштейна, и тем болезненнее отозвалась смерть «Курта» в сотнях детских сердец.

Как увлекательно звучала когда-то гордая формула конституции 5-го декабря 1936 года: «Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР» (ст. 32). Никто иной, как Вышинский, высший блюститель законности в Советском Союзе, чрезвычайно убедительно показал в свое время, что ст. 32 конституции это глубокий, принципиальный разрыв с прошлым, подлинное начало парламентаризма на советской почве. Читатель не посетует на нас, если мы еще раз приведем напечатанный у нас в свое время небольшой отрывок из статьи Вышинского «Высшие органы государственной власти СССР», напечатан-

ной в «Правде» в самый день открытия 1-ой сессии ВС СССР:

«...Исключительно» — это значит, что ни Президиум ВС СССР, ни Совнарком СССР по новой конституции законодательными функциями не обладают...

На чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов предлагалось принять дополнение к ст. 40 конституции о предоставлении Президиуму Верховного Совета права издавать временно законодательные акты. Товарищ Сталин тогда же разъяснял, что это предложение неправильно и не должно быть принято съездом. Товарищ Сталин сказал:

«Надо, наконец, покончить с тем положением, когда законодательствует не один какой-нибудь орган, а целый ряд органов. Такое положение противоречит принципу стабильности законов. А стабильность законов нужна нам теперь больше, чем когда бы то ни было. Законодательная власть в СССР должна осуществляться только одним органом, Верховным Советом СССР».

Именно так и принято в конституции, сосредоточившей законодательную власть исключительно в руках Верховного Совета. В этом отношении конституция 1936 года внесла важное новшество, так как по конституции 1924 года Президиум ЦИК СССР являлся в период между сессиями высшим законодательным, распорядительным и исполнительным органом (ст. 29 конституции 1924 г.).

Какой горькой иронией звучат сейчас эти слова. Никогда еще в до-«парламентские» времена ЦИК СССР не оказывался в такой степени оттесненным от законодательства, отодвинутым куда-то далеко на задворки политической жизни, как это случилось с Верховным Советом. При этом ВС фактически лишается законодательных прав даже не в пользу Президиума ВС, который в отличие от Президиума ЦИК, действительно принимавшего деятельное участие в законодательстве, почти всю свою энергию сосредоточил на — раздаче орденов и «званий». Но тем энергичнее издает законы Совнарком, по конституции лишь «высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти» (ст. 64), а во всех более важных случаях Совнарком совместно с ЦК ВКП, уже и вовсе в конституции не предусмотренным. Напомним хотя бы о глубоком изменении — резком ухудшении — рабочего законодательства, проведенном помимо ВС постановлениями СНК и ЦК ВКП в декабре прошлого года.

Отмирание законодательных полномочий ВС особенно резко сказывается в области народохозяйственного планирования. Народохозяйственный план это в условиях планового хозяйства закон, значение которого даже больше, чем значение большинства других законов, и законодательного утверждения народохозяйственных планов требует и конституция 5-го декабря. В прошлом году еще не решились открыто игнорировать это требование конституции, и для обхода его был придуман несколько грубоватый трюк. За несколько дней до выборов в ВС, т. е. еще до вступления Верховного Совета в свои права, было опубликовано (чего до сих пор никогда не бывало) суммарное постановление СНК «О программе производства промышленности и о работе железных дорог на 1938 год», в котором дана была как бы общая законодательная рамка народохозяйственного плана на 1938 год. И планы по отдельным промышленным наркоматам издавались уже в порядке приказов о «выполнении» этой «программы». Таким образом видимость законности — по крайней мере в отношении промышленности — была соблюдена. Но общий — сводный — народохозяйственный план на 1938 год так и не был опубликован. Потому ли, что авторами его овладели конституционные сомнения, или, может быть, вследствие неспособности новых и неопытных руководителей Госплана справиться с этой задачей, — сказать трудно.

Но вот на 1939 год уже и «программы производства промышленности» нет как нет, и сейчас, в середине мая, нет еще не только сводного народохозяйственного плана, но не опубликованы еще даже и планы по отдельным наркома-

там. Где уж тут думать об утверждении народохозяйственного плана Верховным Советом.

Еще большее значение могло бы — и должно было бы — иметь утверждение Верховным Советом третьего пятилетнего плана. Что конституция не допускает и мысли о вступлении этого плана в силу без утверждения его Верховным Советом, не вызывает никаких сомнений. Как не вызывает сомнений и то, что серьезная работа над этим планом могла бы и для плана иметь большое значение и укрепила бы советский парламентаризм. Но план недавно уже утверждён 18-ым съездом ВКП, и Молотов поспешил сообщить на съезде, что «окончательное утверждение» третьего пятилетнего плана со внесением в него тех изменений, которые окажутся необходимыми, возьмет на себя ЦК ВКП совместно с Совнаркомом («Правда» от 19-го марта).

Не многим лучше обстоит дело и с бюджетом. Тут уж формально обойти ВС никак невозможно. Но по существу бюджетные права ВС сведены к нулю. В прошлом году бюджет был представлен в ВС лишь в августе. Правда, накануне открытия 2-ой сессии ВС «Ведомости ВС» (от 9-го августа) сообщили, что бюджетные комиссии Совета Союза и Совета Национальностей за три недели до того ознакомились с проектом бюджета и образовали «для детального изучения расчетов, положенных в основу составления проекта бюджета», ряд подкомиссий, которые и закончили свою работу к открытию сессии ВС (что задачи парламентского бюджетного контроля отнюдь не ограничиваются проверкой «расчетов, положенных в основу составления проекта бюджета», нашим конституционалистам, повидимому, даже и в голову не приходит). Но в общей печати никаких сведений о работе этих комиссий и подкомиссий не было дано, как по существу о работе их мы ничего не узнаем и из «Ведомостей ВС», а краткие бюджетные прения в ВС явно имели целью сохранить лишь видимость парламентского бюджетного контроля.

Но и эта видимость грубо нарушалась обсуждением бюджета лишь на восьмом месяце бюджетного года. На будущее время решено было этот эстетический дефект устранить, и «закон о едином государственном бюджете СССР на 1938 год» предписал Совнарком «представить в ВС СССР не позднее 15 декабря 1938 года проект единого государственного бюджета СССР на 1939 год». Конечно, и это конституционно корректное постановление осталось на бумаге, и мы и сейчас еще даже не знаем, будет ли ВС в предстоящей сессии обсуждать более чем на треть уже миновавший бюджет на текущий год.

Но общее и бюджетное законодательство это лишь важнейшая, но отнюдь не единственная задача Верховного Совета. Второй его задачей является «образование правительства СССР» (ст. 56). И в этом вопросе ВС на своей 3-ей сессии окажется в довольно тягостном положении. На 1-ой сессии в январе прошлого года старое правительство подало в отставку и было образовано новое правительство. В состав его кроме неизбежного Молотова в качестве председателя вошли 3 заместителя председателя СНК, 21 нарком, председатели Госплана и Госбанка и председатели Комиссий по делам высшей школы и по делам искусств. Все это были отборные, вернейшие и усерднейшие сталинцы, тщательно отсеянные после продолжавшейся более года беспощадной чистки старого Совнаркома. Их портретная галерея была напечатана почти во всех советских газетах, не скупившихся на лестные характеристики единственного по своему блестящему составу правительства. Но вот уже во второй своей сессии в августе прошлого года ВС должен был утвердить «освобождение от должности» избранных в январе наркомов железнодорожного (Бакулин) и водного (Пахомов) транспорта, машиностроительной (Брускин) и пищевой (Гилянский) промышленности и заготовок (Попов). О состоявшемся падении двух заместителей председателя СНК Коснора (он же председатель Комиссии Советского Контроля) и Чубаря и наркомзема Эйхе открыто

говорить еще не решались. Но и это было только начало. К 3-ей сессии ВС от избранного в январе прошлого года правительства остаются только обломки. Кроме 8 перечисленных выше членов правительства пали наркомвоенмор **П. А. Смирнов** (как вскоре пал и его преемник **Фриновский**), наркомы иностранных дел **Литвинов** и внутренних дел **Ежов**, наркомы легкой (**Шестаков**) и лесной (**Рыжов**) промышленности, совхозов (**Юркин**), торговли (**М. П. Смирнов**) и внешней торговли (**Чвялев**), связи (**Берман**), здравоохранения (**Болдырев**), председатель Госбанка (**Гричманов**), председатель Комиссии по делам искусств (**Назаров**) и, повидимому, находится накануне падения наркомост **Рычков**. Да и из утвержденных в августе 5 новых наркомов трое отошли уже в небытие (наркомвод **Ежов**, нарком машиностроения **Львов** и пищевой промышленности **Кабанов**). В сущности это совершенно новое правительство, которое предстанет сейчас перед Верховным Советом, отличное от избранного в январе прошлого года не только по своему составу, но отчасти и по своей структуре, в число членов которого после радикального — кетати сказать, не

предусмотренного конституцией — «разукрупнения» промышленных наркоматов вошло большое число бывших директоров и главных инженеров промышленных предприятий (это у нас начинает складываться тип «не-политического» министра-чиновника) и во главе которого рядом с Молотовым, Кагановичем, Микояном и Булганиным появился в самое последнее время в качестве заместителя председателя СНК председатель Госплана **Вознесенский**, еще совсем молодой человек, усердный и бесцветный чиновник и типичный сталинский карьерист, с помощью которого Сталин, повидимому, подбирается к Кагановичу. Процесс «обновления» самого устойчивого в мире правительства продолжается.

Рамки этого обзора не позволяют коснуться глубоких изменений, происшедших с начала прошлого года в составе самого Верховного Совета и его Президиума. Об этом у нас не раз писалось. Стоило бы сейчас подвести кое-какие итоги. Вероятно, после сессии к этому еще явится возможность.

С. Ш.

ИЗ ПАРТИИ

75-ЛЕТИЕ Б. А. ЧЛЕНОВА.

19 мая исполнилось 75 лет доктору Борису Аркадьевичу Членову. Судьба еще в молодости свела его с группой «Освобождение Труда» и сделала не только ее соратником и участником ее идейных исканий, но и личным другом всех членов ее. С тех пор и до сегодняшнего дня Б. А. остался убежденным социалдемократом. Обстоятельства личной жизни лишили его возможности принимать активное участие в политической работе, но партия всегда имела и имеет в нем верного и стойкого друга, всегда готового оказать ей всевозможную помощь и поддержку. И такого-же друга имели и имеют в его лице и все деятели партии, которых жизненный и политический путь сводил и сводит с Борисом Аркадьевичем. Ибо, можно сказать без преувеличения, на всю партийную семью перенес он те дружеские чувства, которые когда-то связывали его с основоположниками партии. Глубокий демократизм, сердечная отзывчивость на всякое горе и всякое страдание, общественный темперамент доставили Б. А. чу широкую известность, любовь и почитание и далеко за пределами социалдемократии. Много сил отдает он до сих пор еврейским общественным учреждениям, особенно — обществу охранения здоровья еврейского народа (ОЗЕ).

Ко дню юбилея Заграничная Делегация РСДРП отправила тов. Членову, за подписями всех членов своих, следующее письмо:

«Многоуважаемый и дорогой Борис Аркадьевич,

«в день Вашего 75-летия Заграничная Делегация РСДРП приветствует в Вашем лице товарища, сохранявшего за всю свою жизнь непоколебимую верность социалдемократическому знамени и донесшему до старости пыл отзывчивого сердца и жажду служения высоким идеалам человеческого освобождения.

«Примите наши самые сердечные поздравления и горячие пожелания здоровья, бодрости, физических и душевных сил».

На это обращение Б. А. Членов ответил, на имя председателя ЗД, Ф. Дана следующим письмом, характерным для его общественно-политического облика:

«Очень тронут подписанным Вами и всей Делегацией письмом с дружескими поздравлениями.

«Вряд ли мне удастся дожить до того момента, когда начнется крушение и распад фашизма и гитлеризма и новый расцвет тех идеалов, которые зародила великая французская революция и конкретные формы которых дал демократический социализм 19-го столетия.

«От всей души желаю Вам всем дожить до этого счастливого момента и сердечное спасибо за поздравления и пожелания!»

СБОР В ФОНД «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА».

Чрезвычайный взнос с 8 апреля по 20 мая	—	8.280
Экстренный сбор	—	1.955
Всего	—	10.235
Всего по 20 мая 1939 г.		— 16.610

Сбор продолжается.

Ньюйоркская Группа Содействия РСДРП устроила 29 апреля собрание друзей «Социалистического Вестника».

На собрании были сделаны доклады: о задачах рабочего движения в настоящий момент, о фашистской опасности, о роли «Социалистического Вестника» и т. д.

Собрание закончилось сбором в фонд «Соц. Вестника».

Женевская Группа Содействия РСДРП устроила 8 апреля собрание и произвела сборы в фонд «Соц. Вестника».

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Современные Записки, кн. 68.

Новая Россия, № 64, 65.

Русские Записки. Кн. 16, апрель и 17, май.

М. З. Никонов-Сморodin. Поземельно-хозяйственное устройство крестьянской России. Белая Библиотека. Кн. I.

E. Rubin (Sozius). Mussolini raciste et antisémite. — Editions européennes, Paris.

Masses. N° 3. Mars 1939.

Delnickà Osvěta. 1939. N° 1.

Nouveaux Cahiers, N° N° 41, 42, 43, 44, 45.

Der Sozialistische Kampf, N° N° 6, 7, 8, 9.

La Révolution Proletarienne, N° N° 291, 292, 293, 294.

Lucien Laurat. Le Marxisme en Faillite? Du Marxisme de Marx au Marxisme d'aujourd'hui. — Editions Pierre Tisné, Paris 1939. Prix: 18 fr.

La Revue Socialiste, N° 1, Mars 1939. Directeur Max Buset, Bruxelles.

Neue Front. Heft 4. April 1939.

S.I.B. Sozialdemokratischer Informationsbrief. «Neu Beginn», N° 45.

R.S.I.-Korrespondenz. Revol. Sozial-Jugend Oesterreichs, N° 2.

Deutschland-Berichte, der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, N° 3, 4.

Proletarian Outlook, Vol. 5, N° 2.

Que faire? N° 52.

Socialist Review, Vol. 6. Nr. 10.